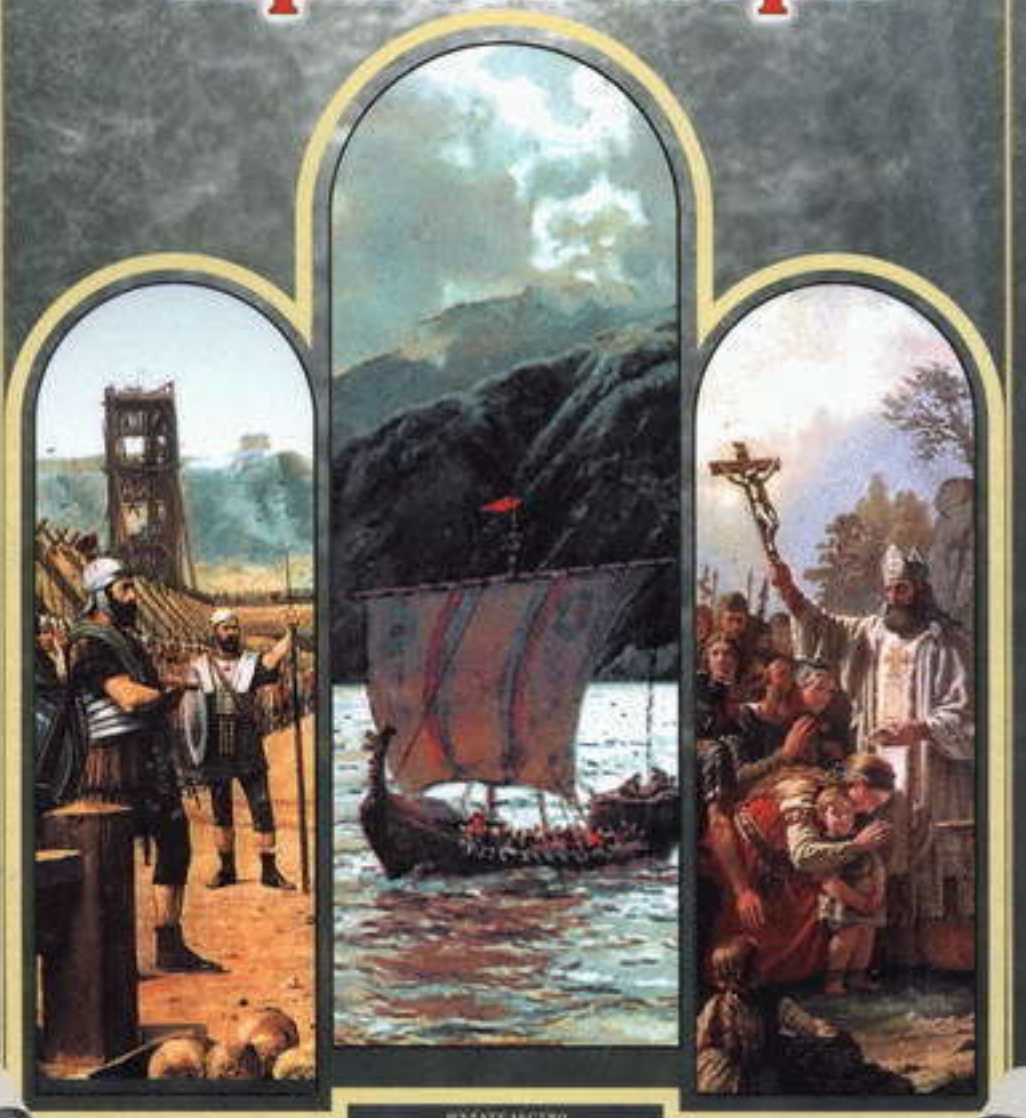
ТАЙНА
ЛЬВА ГУМИЛЕВА

Дмитрий
АБРАМОВ

Тысячелетие вокруг Черного моря



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛГОРИТМ»

Тайна Льва Гумилева

Дмитрий Абрамов

Тысячелетие вокруг Черного моря

«Алгоритм»

2007

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)4

Абрамов Д. М.

Тысячелетие вокруг Черного моря / Д. М. Абрамов — «Алгоритм», 2007 — (Тайна Льва Гумилева)

ISBN 5-9265-0426-9

Книга современного российского историка Дмитрия Абрамова названа по аналогии с Гумилевским «Тысячелетием вокруг Каспия». Автор в доступной, но в отнюдь не упрощенной форме, рассказывает историю войны и мира государств, расположенных на черноморских берегах, и, прежде всего, историю Северного Причерноморья, Крыма. На протяжении тринадцати веков он прослеживает мирные отношения и военные столкновения кочевых и оседлых народов, населявших некогда эти земли. Книга адресована, прежде всего, широкому кругу школьных и вузовских педагогов, студентам, специализирующимся в области международных отношений со странами Юго-Восточной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, журналистам, этнографам и другим специалистам.

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)4

ISBN 5-9265-0426-9

© Абрамов Д. М., 2007
© Алгоритм, 2007

Содержание

Предисловие 6
Глава I 10
Раздел 1 11
Раздел 2 17
Раздел 3 22
Раздел 4 25
Глава II 30
Раздел 1 31
Раздел 2 34
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Д. М. Абрамов
Тысячелетие вокруг Черного моря

© Абрамов Д. М., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Предисловие

В течение длительного времени в школах и вузах нашей страны преподавание истории России шло тенденциозно, пропагандируя идею некой изоляции или периферийности народов Восточной Европы по отношению к европейскому «цивилизованному миру». С другой стороны, в постановке и решении основных социально-экономических, политических и международных проблем Средневековья (включая становление и развитие феодальной формации, становление Христианской Церкви, развитии международных и культурных связей) процветали европоцентристские тенденции и идеалы. Да и в настоящее время в ведущих вузах России зачастую авторитетно проповедуется мнение об исключительности пути социально-экономического и политического развития народов Восточной Европы и России в эпоху Средневековья, отрицается наличие феодализма и феодальных отношений на Руси.

Из этого можно сделать вывод, что центром средневековой христианской цивилизации являлись страны Западной и Центральной Европы. А позднеантичная, раннесредневековая и средневековая христианская ойкумена Восточной, Юго-Восточной Европы, Малой Азии, Закавказья, Сирии, Палестины, Северной Африки в целом являлась дальней и отсталой периферией. Но вывод может быть и иным – в контексте исторической хронологии, в контексте смены лидерства восточной части средневекового европейского мира над западной уже на рубеже XIII–XIV вв.

Так или иначе, но переосмысление опыта и восстановление традиций, заложенных отечественными историками во главе с академиком Лаппо-Данилевским в области методологии истории еще в начале XX века, поставили перед современными исследователями и учеными в области исторической науки ряд серьезных проблем. Таковыми являются проблема преодоления европоцентристской модели и проблема возвращения истории статуса точной и строгой науки, чему и была посвящена конференция «Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты» (4–6 февраля 1999 г.). Пожалуй, наиболее ярко идея конференции была выражена в выступлении доктора исторических наук, профессора-источниковеда ИАИ РГГУ О. М. Медушевской: «Пришло время проанализировать смысл двух различных типов образовательной модели историка, сформировавшихся для решения в принципе общей цели исторической науки XX в. – перехода от страноведческой (шире – европоцентристской) модели понимания исторического процесса к глобальной науке о человеке. Формировавшийся в течение длительного времени эволюционным путем профессионализм европоцентристской модели (античность – средние века – новое время) оказался слишком тесно связанным с конкретикой… и потому стал восприниматься как некий тормоз в переходе к глобальности»[1].

В то же время современные исторические школы Западной Европы, например, французская историческая Школа «Анналов» в лице Марка Блока, Люсьена Февра, Жака Ле Гоффа и других, стремится преодолеть европоцентристскую систему образования и познания. Французы склонны рассматривать историю восточнохристианского и западнохристианского миров в аспекте созидательного, позитивного диалога. «То, что ныне предстоит осуществить европейцам Востока и Запада, заключается в объединении обеих половин, вышедших из общего… братского наследия единой цивилизации, уважающей порожденные историей различия», – пишет Жак Ле Гофф[2].

Напряженные межнациональные противоречия в Крыму, межнациональные, религиозные конфликты и войны на Балканах, на Кавказе и Ближнем Востоке, развернувшиеся в

[1] Медушевская О. М. История как строгая наука // Вестник архивиста, 1999, № 2–3, с. 160–168.

[2] Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 7.

конце XX – начале XXI в. вновь заставляют историков, политологов, журналистов, общественных деятелей разных рангов обращаться к событиям многовековой давности и переосмысливать проблемы ушедших веков в контексте современности. В этих условиях необходима научная и научно-популярная литература, способная подготовить осведомленного читателя и, возможно, широкую аудиторию к пониманию истоков и истории межнациональных проблем и противоречий. Необходима литература, посвященная истории «горячих точек» современности, истории международных отношений, предшествовавших их рождению. И сравнительно давно, когда на карте мира еще не проявились полностью все современные «горячие точки», подобная литература стала изредка появляться, видимо, уже в силу непреходящей актуальности проблемы.

Одной из первых работ отечественных авторов, поднявших эту тему не позднее 1963 г., стало исследование академика М. Н. Тихомирова «Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв.». Правда, этой работе, по свидетельству академика С. О. Шмидта, уже в 1961 г. предшествовал целый ряд статей о русско-византийских отношениях XIV–XV вв.[3]. «Но очень многое из написанного и изданного М. Н. Тихомировым в конце 1950 – начале 1960-х гг. имеет прямое отношение к истории Москвы и взаимоотношений Москвы как столицы государства… с другими странами», – писал Шмидт[4]. Поэтому значительная часть более раннего исследования М. Н. Тихомирова «Средневековая Москва XIV–XV вв.» также была посвящена истории международных отношений Москвы, московскому купечеству и московской торговле XIV–XV вв. Здесь основное место было уделено международным связям Руси с Византией и государствами Италии. Позднее, уже в 1992 г., увидело свет 2-е, исправленное и дополненное издание этих работ М. Н. Тихомирова под редакцией и с послесловием С. О. Шмидта, под названием «Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв.»[5].

Огромным вкладом в изучение истории Ромейской империи и отношений с окружавшими ее народами стало издание в 1967 г. монументального трехтомного труда «История Византии». Отдельные разделы этого издания были посвящены внешней политике Ромейской империи, где немало места уделялось народам Восточной Европы и славянам. Такие исследователи, как Р. А. Наследова[6], З. В. Удальцова[7], А. П. Каждан[8], Г. Г. Литаврин[9], явились авторами самостоятельных глав, в той или иной мере отразивших или затронувших названную тему. Тогда же увидела свет и работа трех последних авторов, раздвинувшая хронологические рамки исследуемой темы до середины XIII в. Эта работа была важна тем, что

---

[3] Тихомиров М. Н. Византия и Московская Русь // Исторический журнал, 1945. № 1–2; Он же. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947. С. 125–201. (Переизданы в кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.)

[4] Шмидт С. О. Послесловие ко 2-му изданию, исправленному и дополненному // Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 307. Также см.: Шмидт С. О. О наследии академика М. Н. Тихомирова // Вопросы истории, 1938, № 2, с. 115–123; Он же. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 20.

[5] Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992.

[6] Наследова Р. А. Вторжение славян и их расселение на территории Византийской империи // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 337–353.

[7] Удальцова З. В. Внутреннее и внешнее положение империи во второй половине VI–VII в. // История Византии. Т. 1, с. 354–378.

[8] Каждан А. П. Внешнеполитическое положение империи в середине IX – середине X в. // История Византии. Т. 2, с. 188–205.

[9] Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. Т. 2, с. 226–236; Он же. Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025–1057 гг. // Там же. С. 262–277; Он же. Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Там же. С. 347–353; Он же. Внешнеполитическая борьба на Балканском полуострове и в Малой Азии. Латинская империя, Никея, Эпир и Болгария (1204–1261 гг.) // История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 50–70.

позволила восстановить некий пробел в отношениях Руси с преемником и наследниками Византии после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г.[10].

Вслед за изданием «Истории» появилась книга Н. В. Пигулевской «Ближний Восток. Византия. Славяне», опубликованная в 1976 г. и ярко освещающая многие аспекты международных отношений позднеантичной и раннесредневековой эпохи[11]. Большой интерес в аспекте заявленной темы вызывают ряд книг А. Н. Сахарова, среди которых в первую очередь необходимо выделить такие, как «Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X века» и «Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии»[12]. Здесь широко использовались письменные источники как древнерусского, так и зарубежного происхождения. Среди целого ряда блестящих работ Г. Г. Литаврина, посвященных Византии и народам Балканского полуострова, ближе всего указанную тему затронула работа «Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв.»[13]. Однако здесь заранее был обозначен регион и поставлены узкие хронологические рамки, как и в работах А. Н. Сахарова, что свидетельствовало об академическом характере и глубокой специализации названных работ. Близко соприкасаются с означенной темой работы украинских исследователей В. Д. Барана и М. Ю. Брайчевского, посвященные расселению славянства по Европе в VI–VIII вв.[14]. *Нельзя не отметить огромного значения целого ряда книг Л. Н. Гумилева, посвященных наиболее широкому обзору исторических событий и международных отношений в Евразии в эпоху Средневековья. Особенно важно выделить его работы «В поисках вымышленного царства», «Древняя Русь и Великая степь»*[15]*. Концепция Л. Н. Гумилева в значительной степени подвигла автора настоящей работы в стремлении по-иному расставить акценты и увидеть проблему в ином ракурсе*. Значительным шагом в системе вузовского образования по этой теме стало учебное пособие В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского «Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье»[16]. Академизм, глубокие знания и опора на исторические источники, высокий профессионализм, проявленный при изучении поставленных проблем, являются основной чертой всех перечисленных исследований.

Поэтому задачей настоящей работы является продолжение начатых исследований в контексте более широкого хронологического спектра, что позволит увидеть международные отношения в их историческом взаимодействии. Широкий пласт специальной исторической литературы и исследований, посвященных конкретным проблемам, был использован автором для более полного раскрытия поставленной темы. Еще одной важной задачей, решаемой автором, является стремление прописать, или, точнее, очертить историю народов Восточной Европы и русского народа в контексте отношений с греко-ромейской (византийской) цивилизацией – ведущей цивилизацией мира IV–XIII вв. и в контексте отношений с соседними странами, зачастую называемыми в науке «странами византийского круга». В определенном смысле данная книга является продолжением уже опубликованной работы (учебного пособия) «История средних веков. Восточнохристианские государства в эпоху IX–

---

[10] Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии в XI – первой половине XIII в. // Proceedings of the XIII th Intern. Congress of Byzantine Studies. L., 1967.

[11] Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976.

[12] Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X века. М., 1980; Он же. Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии. Л., 1986.

[13] Литаврин Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // IX Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983.

[14] Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев. 1983; Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI–VIII вв. // Славяне на Днестре и Дунае. Киев. 1983.

[15] Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. Он же. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

[16] Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье: Учебное пособие для гуманитарных факультетов вузов. М., 1998.

XVI вв.»[17]. Книга адресована, прежде всего, широкому кругу школьных и вузовских педагогов, студентам, специализирующимся в области международных отношений со странами Юго-Восточной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, журналистам, этнографам и другим специалистам. Однако здесь автор стремился выдерживать академический стиль. Им была поставлена задача познакомить читателя и с широким кругом исторических источников.

В настоящей работе использован широкий круг письменных источников зарубежного, в основном римского и греко-ромейского (византийского) происхождения. Большинство из них вошли в I и II тома, изданные в 1991 и 1995 гг. под названием «Свод древнейших письменных известий о славянах». Целый ряд специалистов и исследователей, таких, как Ф. В. Шелов-Коведяев, А. В. Подосинов, Л. А. Гиндин, А. Б. Иванчик, А, Н. Анфертьев, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, Н. И. Сериков, И. А. Левинская, С. Р. Тохтасьев, В. В. Кучма, А. Б. Черняк, О. В. Иванова, занимался переводами, составлением комментариев и вступительных статей при подготовке этого монументального свода исторических источников римского и византийского происхождения[18]. В меньшей степени в данной работе использовались письменные источники древнерусского происхождения, поскольку они широко были представлены в предшествующих работах, на что в тексте есть неоднократные ссылки. В качестве источников привлекались и сочинения средневековых западноевропейских авторов, особенно в тех случаях, когда они помогали глубже раскрыть ту или иную тему. По возможности широко автор использовал публикации по археологическим материалам, предоставляющим ценные для работы сведения.

Структурно книга разделены на пять глав по хронологическому принципу. Каждая глава имеет разделы и подзаголовки, где материал располагается как по хронологическому, так и по тематическому принципу. Перед началом главы или раздела автором выделены и сформулированы основные проблемы, раскрытию которых посвящены данные структурные части. Работа также имеет Предисловие, Заключение, Список источников и литературы. После каждой главы и Предисловия следуют сноски и примечания.

[17] Абрамов Д. М. История средних веков. Восточнохристианские государства в эпоху IX–XVI вв. М., 2002.

[18] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.) М., 1991; Т II. (VII–IX вв.) М., 1995.

Глава I
Греко-ромейская цивилизация, кочевники степи и народы Восточной Европы в I–V вв. н. э

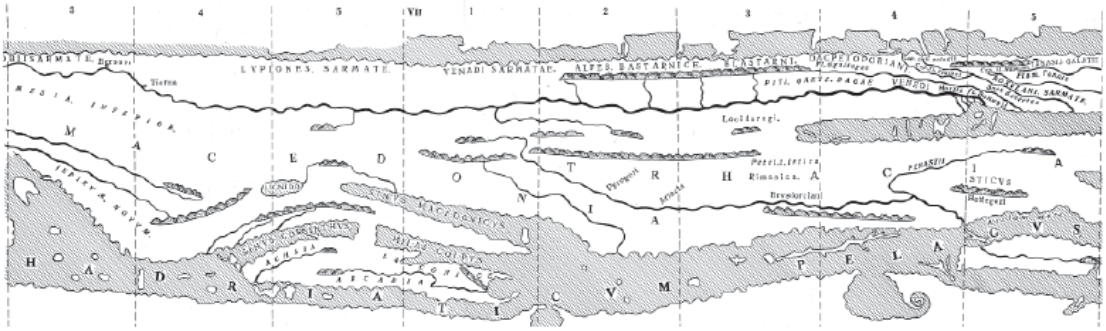
Пожалуй, с трудом можно найти педагога-историка, который в свое время без любви и вдохновения изучал или преподавал античную историю Греции и Рима. Греко-римский мир оставил глубокий след в Северном Причерноморье, центрами которого были греческие города-колонии: Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Танаис, Фанагория и др. В XVIII в. Северное Причерноморье вошло в состав Российской империи. Культура и история древних цивилизаций стали достоянием российской науки и общественности. В XIX в. античность стала изучаться в лицеях, гимназиях и вузах России. Но если до сего дня учебные пособия для средних и высших учебных заведений за редкими исключениями предлагали хороший материал по античности и по античной истории Северного Причерноморья, то позднеантичный и раннесредневековый периоды истории этого региона известны лишь специалистам: археологам, нумизматам, источниковедам, музейным работникам.

Но как раз эпоха I–IX вв. н. э. стала временем «пробуждения интереса» к греко-римской цивилизации у большинства народов Восточной Европы. Именно с этим временем и с регионом Северного Причерноморья связано самое большое количество письменных источников и археологических данных, отражающих древнейшую историю восточноевропейских народов и государств. Поэтому очерковое, проблемно-постановочное изложение материалов по данной теме, основанное на древних письменных источниках и новых археологических материалах, может заинтересовать педагога средней и высшей школы.

Раздел 1
Херсонес и варвары

Долгое время было широко распространено мнение, что античные Херсонес и Ольвия, являвшиеся крупнейшими центрами на западе Северного Причерноморья и вошедшие в состав Римской империи в I веке до н. э., вскоре утратили свое былое значение. Считалось, что их экономическое, политическое и культурное положение пошатнулось под пятой Рима и в период варварских нашествий и войн I–III вв. по Р.Х.

Эллинистический Херсонес, покорившийся Риму в I веке до н. э., в первые столетия по Рождеству Христову еще сохранял черты, присущие древнегреческому полису. Город попрежнему оставался одним из главных поставщиков пшеницы и скота в материковую Грецию. Здесь развивались виноделие, рыболовный и рыбообрабатывающий промыслы, гончарное производство. Скорее всего, сохранялся и рынок работорговли. В I–II вв. н. э. каменные скамьи античного амфитеатра, раскинувшегося у южных стен города, еще заполнялись достойными горожанами. Здесь уже редко в глубоком молчании и со слезами внимали трагическим изречениям вдохновенного Эсхила, благородных Софокла и Эврипида, но чаще до слез хохотали над колкостями и непристойностями Аристофана, шутками и анекдотами Менандра и Филемона. В те столетия, как и сотни лет назад, приносили жертвы и молились в храме Афины-Парфенос (Девы), стоявшем у Агоры в центре города. Да и сама Агора периодически шумела народными собраниями, решавшими важнейшие для жизни города и округи проблемы экономики и обороны. Здесь сохранялись органы демократического полисного самоуправления – городской совет и коллегии. А проблем хватало. В середине I века н. э. к стенам Херсонеса в который раз подступили отряды скифов. К тому времени, ранее разделенные на несколько больших племен («скифы-земледельцы», «скифы-кочевники», «царские скифы») и распыленные в степях по берегам Днестра, Днепра и Дона, они объединились под напором новых завоевателей-сарматов, двинувшихся из глубин Великой степи в Восточную Европу. В степях Таврии, близ берегов Черного и Азовского морей скифы создали свое монолитное полукочевое государство со столицей в Скифополе. Теперь они угрожали римским владениям. Херсонеситы обратились за помощью к правителю римской провинции Мизия Тиберию Плавтию Сильвану. Римские войска прибыли и нанесли поражение скифам. Но в первой половине II века римский гарнизон покинул город.



Певтенгерова карта

Римлян заботила оборона соседних провинций. В начале II века силами римских солдат между устьем реки Прут и устьем Дуная была построена линия укреплений, названная

Нижним валом Траяна (император Траян правил с 98 по 117 гг.). Севернее – между руслом Прута и руслом Днестра (Тираса) построили вторую линию укреплений – Верхний вал Траяна. Перед валами вырыли ров, а по верху валов поставили частокол высотой более четырех метров. На расстоянии одной римской мили (1500 м) в линиях укреплений располагались каменные форты с небольшими помещениями для воинов. Здесь могло быть расквартировано до тысячи пеших легионеров или до пятисот всадников. Между соседними фортами возвышались две деревянные или каменные башни на расстоянии 500 м друг от друга. Башни использовались как дозорные вышки или для передачи сигналов вдоль линии укреплений. С внутренней стороны вала проходила дорога, связывавшая форты и башни между собой. К югу от дороги проходил особый ров – «валуум». Этими укреплениями были взяты под защиту греческий город Тирас в устье Днестра, провинции Мизия и Дакия.

Эвакуируя свои войска, римляне оставили Херсонес под протекторатом Боспорского царства. И некоторое время горожане обращались за помощью к боспорским царям. Тем не менее зависимость от Боспора тяготила Херсонес. Херсонеситы предпочитали древнюю «свободу» и помощь римлян в борьбе со скифами. После долгих ходатайств император Антонин Пий (138–161 гг.), при котором Римская империя достигла расцвета, даровал городу права «элевтерии» (свободы, точнее самоуправления), и в Херсонесе вновь появился римский гарнизон.

Археологические исследования, активно проводившиеся на территории Херсонеса на протяжении всего XX века, убеждают в том, что в юго-восточной части города римляне выстроили казармы Восточного Легиона, названные «контубернием». (Здание казарм было разделено рядами небольших помещений, приспособленных для постоя малых подразделений-контуберниев, числом из 8 солдат каждое.) Не исключено, что в Херсонесе размещалась «первая» – главная когорта легиона числом в 800 воинов под командованием трибуна. Да и сама юго-восточная оконечность города стала превращаться в «цитадель», ибо в крайнем восточном ее углу возвели мощную башню, названную Сиагр – «Кабан». Усилили соседние башни и замкнули юго-восточный угол стеной, отгородившись от гражданской территории. Здесь же были построены и римские бани-термы. Правда, римляне заботились не только о своем комфорте и своей безопасности. Перед древними воротами и южным сектором стен, там, где легче всего было напасть на город, римские инженеры возвели «протехисму» – передовую стену. Эта внешняя стена должна была препятствовать подвозу стенобитных штурмовых орудий. Ворота в протехисме и в основной стене были расположены далеко друг от друга. Если бы противник ворвался в ворота протехисмы, то ему пришлось бы преодолевать значительное расстояние, подставляя бьющим со стен и башен стрелам, копьям и камням незащищенный щитом правый бок. Были укреплены и сами южные ворота, закрывавшиеся мощными створами с поперечным брусом и «катарактой» – решеткой, опускаемой по вертикальным пазам. Пространство между створами и «катарактой» могло засыпаться камнями. Западнее, за несколько сот метров от древних ворот, в той же южной стене были устроены еще одни – фланкирующие ворота, тоже защищенные «протехисмой». Они назывались Мертвыми, т. к. одновременно выводили к кладбищу. На стенах и башнях появились солдатские караулы, бряцавшие оружием и доспехами. Херсонес стал превращаться в неприступную римскую крепость на северных рубежах империи. Но не только оборонительные мероприятия изменили облик и культурную жизнь Херсонеса, превратив его в один из типичных городов римского мира. Во II–III вв. орхестра амфитеатра – полукруглая площадка для театрального хора и сцены – была переоборудована для иных зрелищ. Теперь амфитеатр неистовствовал и ревел двумя тысячами глоток, а на арене разворачивались кровавые гладиаторские схватки, сопровождавшиеся предсмертными криками, стонами раненых и звериным рыком.

Херсонесский гарнизон не был единственным римским гарнизоном на Крымском полуострове. Крупные силы сконцентрировались в районе Балаклавы. Здесь римляне даже выстроили большой храм, украшенный скульптурами и посвятительными надписями. В среднем течении р. Альмы находилось позднескифское поселение (Альма-Кермен). Во II веке римляне прогнали скифов и построили здесь свой укрепленный лагерь. Они возвели несколько зданий и мастерскую по производству стеклянной посуды. Римский пост на Альме имел важное стратегическое назначение, поскольку он угрожал скифским владениям в Таврии. Впрочем, вскоре изменившаяся военно-политическая ситуация заставила римлян покинуть это укрепление. На мысе Ай-Тодор на Южном берегу Крыма римские инженеры построили крепость Харакс. Задачей гарнизона крепости было, по-видимому, обеспечение безопасного прохода судов вдоль берегов Крыма и борьба с пиратами. Харакс окружали два ряда крепостных стен, внутри которых находились термы, казармы и другие постройки. У внешней стороны стен возвели храм Юпитера Капитолийского. Отряд строителей-бенефициариев проложил дорогу, соединившую Харакс и Херсонес. Римские гарнизоны в крепостях содержались за счет разного рода податей, собираемых с горожан и окрестного населения. Иногда римляне взыскивали больше, чем им полагалось. Под влиянием Рима произошли изменения в «конституции» Херсонеса. Число городских коллегий было сокращено, доступ в городской совет и к вышестоящим должностям ограничен. Все управление и власть сосредоточились в руках узкого круга наиболее знатных и богатых семейств, уподобившихся римскому нобилитету.

Во второй половине II века положение Херсонеса вновь серьезно осложнилось. На этот раз на владения империи в Таврии напали воинственные индо-иранцы кочевники-сарматы. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и в заволжских степях показали, что культура сарматов была близка к скифской. В течение веков сарматы продвигались на Запад и вытесняли скифов. Скифы частично подчинились сарматам и смешались с ними. Часть скифов отступила в лесную зону Восточной Европы и постепенно смешалась там с финно-угорскими племенами и праславянами, образовав так называемую «дьяковскую культуру» (в среднем течении реки Москвы). Еще одна часть скифов ушла в Сибирь. Сарматы же не образовали единой державы, подобной той, которая существовала у «царских скифов». Долгое время они делились на 4–5 племен. Восточнее других в степях Восточной Европы кочевало их самое сильное и многочисленное племя аланов. Социальный уклад сарматов был близок к скифскому. Однако обычаи степняков сарматской эпохи отличаются от скифских большей простотой. Археологи утверждают, что их курганы не содержат большого числа драгоценных вещей, как курганы царских скифов. Вместо изящных предметов греческой работы, находимых в скифских захоронениях, в сарматских курганах находят варварские украшения из золота со вставленными в них полудрагоценными камнями. (Современные лингвистические и археологические исследования намечают генетическую связь славянства со скифо-сарматским населением степей Причерноморья).

Появление сарматов в Таврии вызвало беспорядки в самом Херсонесе. Римские легионеры отказались участвовать в походе против нового врага, требуя выплатить им жалование. Однако городской совет прибег к компромиссному соглашению с гарнизоном, восстановил порядок и стал готовиться к обороне. Одновременно горожане обратились за помощью к правителю Мизии Титу Аврелию Кальпурниану Аполлониду. В 174 г. Аполлонид прибыл в Таврию и с помощью подкупов и угроз принудил сарматов заключить договор, по которому варвары гарантировали неприкосновенность Херсонеса и владений империи на Дунае. Однако известия о варварских народах, обитавших севернее Таврии в бескрайних пределах Восточной Европы, не давали покоя цивилизованным грекам и римлянам.

Еще в I в. до н. э. римский географ Страбон сообщал о племени «росхолан» (роксолан), живших на пространстве от берегов Днепра до берегов Дона. Известный римский чинов-

ник и историк Гай Плиний Секунд Старший (23–79 гг. н. э.) среди варваров также называл роксолан и венедов, живших севернее Понта Евксинского (Черного моря) за Дунаем. Военная разведка римлян начала исследовать Сарматию (Восточную Европу) еще при императорах Клавдии и Нероне – между 41 и 68 гг. н. э. Уже в 68 г. н. э., еще до постройки валов Траяна, роксоланы ворвались в Мизию и разбили там римлян. Известный римский историк Публий Гай Корнелий Тацит (сер. I в. н. э. – ум. после 113 г.), в прошлом военный и консул, называл и соседей роксолан, родственный им, воинственный народ венедов, умевший хорошо сражаться в пешем строю. Но, пожалуй, наиболее яркую картину движения и расположения варварских народов Восточной Европы дал в своем «Географическом руководстве» римский географ Клавдий Птоломей (89—167 гг. н. э.). Он сообщал, что все свои сведения о Сарматии он получал в войсках Восточного Легиона (части которого базировались и в Таврии). Сообщения Птоломея относятся к 140 г. н. э. Среди других варварских племен Восточной Европы он называет сербов, саваров (северу) и борусков (скорее всего – самоназвание роского племени лесной и лесостепной полосы), живших восточнее Балтийского моря на Восточно-Европейской равнине. Названием, родственным имени этого племени, была обозначена греками и одна из крупнейших рек Восточной Европы – Борисфен (Днепр), а также одно из древнейших поселений на киевских высотах у Днепра – Боричев. В начале III века на официальной карте Римской империи (Tabula Peutingeriana – Певтингерова карта) появились значительные надписи: по левому берегу Дуная – «V E N E D I», а между Южным Бугом (Гипанисом) и Доном (Танаисом) – «R O X Y L A N I»[19].

Источники сообщают, что в 166 г. роксоланы нанесли поражение германцам-баварам, которых с большим трудом разгромил император Марк Аврелий (161–180 гг.). М. В. Ломоносов уже в середине XVIII в. обращал внимание на вероятность происхождения народа, именовавшегося русами или россами, от роксалан[20]. Профессор Д. И. Иловайский в XIX в. утверждал, что истоки русской государственности нужно отнести к очень древним временам, когда роксоланы осели на среднем Днепре[21].

Опека Херсонеса Римом, присутствие римских войск и налаженная разведка благоприятно отразились на жизни города и его населения. Херсонес стал главной базой и крепостью римлян в Северном Причерноморье. В 30—40-е годы III в. границы империи и античные центры Северного Причерноморья (Тирас и Ольвия) подверглись жестоким ударам варварских племен. Особенно ярко проявили здесь себя германцы-готы, пришедшие с берегов юго-восточной Балтики и основавшие в низовьях Дуная, Днестра и Буга свое государство. Так в Восточной Европе начиналась **эпоха великого переселения народов**. В 250 году огромная армия готов переправилась через Дунай и обрушилась на провинции империи. Линии укреплений по валам Траяна не остановили их. Эти события стали началом так называемых «готских» войн. Римский гарнизон был вновь выведен из Херсонеса на усиление дунайских легионов. Казалось, что город был брошен на произвол судьбы. Вскоре удары готов ощутила и Таврия. Но город на Гераклейском полуострове у Понта Евксинского оставался недоступным для завоевателей. Очевидно, Херсонес был превращен римлянами в неприступную крепость. Сказались военный опыт и хорошая организация местного ополчения. Готы отступили в глубь Таврии. Херсонес продолжал жить своей жизнью. В 268–269 гг. остававшиеся в Таврии готы приняли участие в совместном походе германских племен Северного Причерноморья против империи. Германцы вновь прорвали укрепления римлян на Дунае

[19] Плиний. Естественная история в 37 книгах. Вступ. статья, пер. и коммент. В. Ф. Шелова-Коведяева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М., 1991. С. 23, 25; Тацит. Германия. Вступ. статья, пер. и коммент. В. Ф. Шелова-Коведяева // Там же. С. 39; Птоломей. Географическое руководство. Вступ. статья, пер. и коммент. В. Ф. Шелова-Коведяева // Там же. С. 51, 53, 55; Певтингерова карта // Вступ. статья, пер. и коммент. А. В. Подосинова.

[20] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М.—Л., 1952. С. 43, 211.

[21] Иловайский Д. И. История России. Т. I. М., 1888. С. 19, 20.

и появились на Балканах. Правда, под городом Нишем они были разбиты войсками императора Клавдия II, но откатились назад и укрепились в Дакии. Источники сообщают, что в 270 году на дунайские границы империи совершили нападение и роксоланы. В 276–278 гг. готские дружины были разгромлены римлянами и их союзниками. А в конце III века в Херсонесе вновь появился римский гарнизон.

Иная судьба ожидала **Ольвию**. Об упадке города, о вечных тревогах его жителей и о постепенном огрублении нравов в начале новой эры красноречиво рассказывал греческий писатель и оратор Дион Хрисостом, приезжавший в Ольвию в 83 г. от Р. Х. По его рассказу, дома в городе были тесно скучены на небольшом пространстве, обнесенном низкой и непрочной стеной. Некоторые древние башни стояли так далеко от города, что трудно было представить, что они когда-нибудь ему принадлежали. Население Ольвии постоянно жило в состоянии военной тревоги. Ольвийцы говорили по-гречески уже не совсем чисто и носили одежду варваров. Несколько поддержало Ольвию римское владычество. Ольвийские надписи I–II вв. еще говорят о торговых сношениях Ольвии с греческими городами Мраморного и Эгейского морей, Херсонесом и Боспором Киммерийским. Однако «готские войны» III в. нанесли городу непоправимый урон и разрушения и с IV в. известия об Ольвии прекращаются.

II и III века от Р.Х. во многом связали судьбу Херсонеса с судьбой Римской империи. Но если II век был временем предельного расширения и расцвета античной империи, то в III веке началась эпоха «великого переселения народов», варварских нашествий на цивилизованную Европу и кризиса европейского античного общества – кризиса рабовладельческого строя и экономики, античного права, мировоззрения и языческой религии. Все это оказало на Херсонес заметное влияние. Уже с I века н. э. он, как и другие города Понта Евксинского, стал местом ссылки политически неблагонадежных, вольнодумцев и первых христиан. Христианское предание свидетельствует о священномученике Клименте, епископе (папе) римском, окончившем свой земной путь в городе на Гераклейском полуострове. Известный историк и церковный деятель первой половины IV столетия Евсевий Кесарийский (Памфил) в своей «Истории Церкви» говорил только то, что св. Климент скончался в третий год правления императора Траяна (98—117 гг.), т. е. около 100 года по Р. Х. Лишь косвенно упоминают о св. Клименте папе римском другие историки и подвижники Христианской Церкви IV–V вв. Возможно, именно это заставляет историков обходить стороной неразрешенный вопрос и представляет неясным предание о св. Клименте. Правда, вполне заслуживает доверия точка зрения, высказанная в начале XX века историком Церкви, профессором В. В. Болотовым, который отмечал, что в римском «Liber pontificalis» говорится о кончине св. Климента в Греции. Что же касается событий, когда первоучители славянские нашли в Крыму мощи св. Климента и его ученика, то это, без сомнения, было для того времени (IX в.) фактом. Правда, далее профессор добавил, что «сами по себе нетленные мощи не удостоверяют исторической личности… и факт принесения мощей св. Константином (просветителем)[22] нисколько не устраняет сомнений, возникающих из отсутствия нужных свидетельств в древней христианской литературе. История Крыма совсем не такова, чтобы предания могли здесь храниться неповрежденными; это могли быть мощи какого-нибудь другого Климента, пострадавшего здесь с учеником своим и отождествленного с Климентом римским. Что местные жители называют его «римским» епископом, в этом нет ничего удивительного. Это могло тем скорее случиться здесь с другим лицом, что Крымский полуостров был заселен различными народностями… присланного сюда иностранца мученика они называли «римским»»[23]. Словом,

[22] «Константин (просветитель)» – здесь В. В. Болотов говорит о св. Константине (827–869), в монашестве – Кирилле, просветителе славян, брате св. Мефодия (815–885). – *Ред.*

[23] Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. II. СПб., 1907. С. 79.

для населения Херсонеса как легионеры, так и ссыльные, были «римлянами», т. е. подданными Римской империи независимо от своего происхождения, прежнего места жительства и положения в обществе.

Опека и влияние Рима во многом помогли Херсонесу избежать варварского погрома и пережить тяжелый III век н. э. – век кризиса, перелома и модернизации всего социально-экономического уклада жизни на Востоке. Начало IV столетия город у Понта на Гераклейском полуострове встречал, как и все города Восточной Римской империи, рождением и становлением позднеантичной цивилизации. У цивилизации Востока словно «открылось второе дыхание». Данные археологии свидетельствуют, что в Херсонесе на прежнем уровне сохранялись рыбный промысел, виноделие, ремесленное производство, торговля с другими городами империи на берегах Черного и Мраморного морей. Начало христианизации Римского государства, отмеченное Миланским эдиктом 313 года, перенесение столицы с Запада – с берегов Тибра, на Восток – на берега Босфора, сопровождавшееся грандиозным строительством, заметный подъем экономики, торговли и культуры в восточной части империи свидетельствовали о рождении новых социально-экономических отношений и новой государственности.

Раздел 2
Боспор и готы

Большинство исследователей-археологов и историков XIX – первой половины XX в. считало, что крупнейшее и богатейшее античное государство Восточной Европы, Боспорское царство, практически сохранившее свою самостоятельность на периферии Римской империи, было уничтожено гуннским нашествием последней четверти IV века. Однако археологические исследования 60-х годов прошлого столетия позволили пересмотреть эту точку зрения.

Иначе, чем у Херсонеса в I–III вв. н. э., складывалась историческая судьба восточного региона Северного Причерноморья – **Боспорского царства и эллинистических городов,** располагавшихся **в его владениях**. Боспор, попавший в зависимость от понтийских царей в I в. до н. э., смог ослабить эту зависимость после разгрома Римом Понтийского царства в 65 г. до н. э. и ликвидировать ее в последовавших затем междоусобных войнах. В этих событиях активное участие принимали и римские легионы. Междоусобию был положен конец в 49 году по Р. Х. Римские войска отправились домой морским путем, но буря разметала корабли римлян, а остатки флота выбросило волнами на южное побережье Таврии.

Царская власть на Боспоре оказалась в руках династии Тибериев Юлиев, правивших в древней столице – Пантикапее. Правители Боспора носили пышные титулы и нередко обожествлялись. Так или иначе, но им приходилось как-то подчиняться интересам Рима. Был учрежден культ римских императоров, высшими жрецами которого были сами цари. Портреты императоров чеканились на боспорских монетах. Правители Боспора в официальных документах именовались «друзьями цезаря и римлян». Правда, предположение о том, что на Боспоре постоянно находились отряды римских войск, вряд ли может быть оправдано. Но боспорский царь мог быть вызван в империю для объяснений по вопросам, интересующим римские власти. Управление своей страной правители Боспора осуществляли с помощью значительного числа чиновников. Если в эпоху классической античности и эллинизма для греческого населения правители Боспора являлись прежде всего «архонтами» (вождями-военачальниками), а титул царя использовался только по отношению к подчиненным туземным племенам, то с воцарением династии Тибериев Юлиев царская власть в стране все более приобретала характер восточной деспотии в отношении со всеми слоями и этническими группами населения. При дворе существовали должности управляющего, царского секретаря, постельничего, конюшего, казначея и другие. В города и зависимые варварские племена назначали наместников. В некоторых городах функционировали выборные чиновники. Очень важна была должность наместника европейской части царства. Армией руководили военачальники разных рангов, флотом – наархи.

Особую роль в жизни Боспора играли религиозные союзы (фиасы), занимавшиеся воспитанием молодежи, проводившие собрания, на которых решались экономические и административные проблемы жизни религиозных общин. С I в. по Р.Х. возросла роль негреческих элементов в жизни страны. В связи с этим во II–IV вв. распространились восточные культы. Особенно стало заметно влияние иудаизма. Уже с I в. здесь часто упоминаются «синагоги иудеев». Поселение в Боспорском царстве иудеев стоит в связи с великим еврейским рассеянием, принявшим огромные размеры после подавления римлянами Иудейского восстания 66–70 гг. и двух разрушений Иерусалима в 70 и 132 гг.

Столица царства – Пантикапей, заметно пострадал за время войн второй половины I в. до н. э. – первой половины I н. э. После вековой смуты и войн город, раскинувшийся на живописных склонах горы Митридат, постепенно возвращал себе былое великолепие элли-

нистической эпохи. Реставрировались разрушенные и сгоревшие здания. Важное место в архитектурном ансамбле столицы занял храм обожествленного царя Аспурга (15–38 гг.) – победителя скифов и тавров, получившего царский венец из рук римского императора Тиберия.

На улицах и площадях Пантикапея устанавливались статуи римских императоров, боспорских царей и высеченные на мраморных и известняковых плитах указы. В городе находились многочисленные мастерские ремесленников – кузнецов, ювелиров, стеклодувов, гончаров, ткачей. Здесь же построили крупные комплексы для производства вина. Виноград давили на специальных площадках – тарапанах. Затем сок разливали в амфоры и пифосы. Промышленный масштаб приобрели лов и засолка рыбы. Засолку производили в выкопанных в земле и обмазанных специальным раствором цистернах. Вино и соленая рыба были важнейшей статьей боспорского экспорта. На плодородных землях Керченского и Таманского полуострова выращивали не только виноград, но и пшеницу. Правда, междоусобные войны сильно подорвали боспорскую торговлю хлебом, что привело к значительному росту хлебного экспорта в Грецию из Египта. И все же хлебная торговля продолжала играть значительную роль в жизни боспорских городов. Видимо, продолжавшиеся в I–II вв. войны со скифами и другими варварами стимулировали и развитие рынка работорговли.

В социальном отношении боспорское общество представляло более яркую картину имущественного и классового расслоения, чем в демократическом Херсонесе. Значительный слой аристократии и военно-чиновной знати явно выделялся среди других сословий и занимал господствующее положение в стране. Археология свидетельствует о богатых захоронениях представителей аристократической верхушки. Пантикапейские склепы I–II вв. н. э. вырезаны в грунте или построены из камня и перекрыты полуциркульными сводами, что говорит о римском влиянии. Стены многих склепов покрывались яркими красками и росписями, среди которых встречается образ богини плодородия Деметры. Погребения знати совершались в саркофагах из кипарисового дерева и сопровождались богатым инвентарем, посудой из золота. В одном из погребений членов царской семьи или представителей придворных кругов найдена золотая маска, вероятно закрывавшая лицо покойного. Над многими могилами устанавливались надгробные памятники – стелы, украшенные различными изображениями и эпитафиями.

Внешнеполитическая жизнь на Боспоре протекала еще более остро, чем в Херсонесе. Боспорским царям периодически приходилось конфликтовать со скифами. Тиберий Юлий Савромат I (93—123 гг.) дважды воевал с ними, и оба раза – успешно. Возможно, в память об этих победах Савромат был обожествлен. Тиберий Юлий Савромат II (174–210 гг.) совершил поход вглубь Таврийского полуострова, разгромил позднескифское царство и овладел его территорией. Видимо, в этой войне на стороне боспорцев участвовали римские войска. Савромату II удалось также победить сарматское племя сираков и нанести серьезный урон пиратам, нападавшим на корабли боспорских купцов. Его сын Тиберий Юлий Рескупорид II (211–228 гг.) называл себя «царем всего Боспора и тавроскифов».

250 год от Р.Х. стал годом начала суровых испытаний для Римской империи. В это время Римской державой правил император Декий (249–251 гг.) – ставленник римской знати. Декий пришел к власти в результате военного переворота и свержения Филиппа Аравитянина – последнего представителя целой плеяды «солдатских императоров» – выходцев из провинций, кому вручали власть верные легионы. Все силы и внимание солдатских императоров (193–249 гг.) были обращены на оборону и укрепление границ империи. Декий пытался восстановить силу и славу древнеримского государства, его законов, римских языческих верований. Все новые восточные культы, появившиеся в Риме, в их числе и христианство, подверглись гонениям. Но на Востоке империя обрела грозного и сильного врага – Иранское царство, где правили могущественные Сасаниды. Иранцы захватили Месопота-

мию и обрушились на римские провинции в Сирии. Рим вынужден был вести затяжную и кровопролитную войну на Востоке. Трудностями империи воспользовались готы и другие германские племена, обосновавшиеся в Северном Причерноморье. Началась серия кровопролитных войн между германцами и римлянами. На помощь дунайским легионам были переброшены римские войска из Херсонеса и Харакса, что сильно ослабило позиции империи на северо-восточных границах. Вскоре готские дружины, участвовавшие в сражениях на Дунае и на Балканах, появились в Крыму и за Доном.

У историков и археологов долго сохранялось мнение о том, что Боспор процветал вплоть до нашествия гуннов в 375 г., после чего наступил катастрофический упадок. Это мнение было сформулировано еще до археологического изучения городских слоев Пантикапея на основе отрывочных письменных свидетельств и данных нумизматики. Вслед за известным исследователем Т. Момзеном отечественный археолог Э. Р. Штерн в 1897 г. писал, что во время готских войн Боспорское царство находилось под протекторатом Рима, хотя и давало корабли готам для морских походов. Эту же позицию подтверждали и свидетельства позднеантичного историка Аммиана Марцеллина, отмечавшего, что в 362 г. Боспор оставался под протекторатом Рима. Но вскоре после этого и до правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) греки в Северо-Восточном Причерноморье оказались оставленными на произвол судьбы. «В этот промежуток времени Пантикапей был разрушен и погиб в погроме наплыва варваров», – отмечал Э. Р. Штерн[24]. Исследователь В. В. Шкорпил после раскопок в Керчи в 1904 г. поддержал данную точку зрения. Это мнение считалось наиболее авторитетным довольно долго. Однако раскопки 60-х годов XX в. и последних десятилетий, по мнению исследователя А. К. Амброза, показали, что конец расцвету античного Боспора положили более ранние варварские вторжения середины – второй половины III века. Значительная часть поселений Боспорского царства на востоке погибла под ударами готов. Раскопки в Керчи позволили сделать вывод, что события второй половины III века затронули и Пантикапей. Не помогли оборонительные сооружения города. Не помог и антиготский союз царя Рескупорида IV (242–276 гг.) с Фарсанзом – вождем соседнего варварского племени. Поздним скифам также не удалось оказать готам достойного сопротивления. Их поселения были разрушены, а жители перебиты или захвачены в плен.

О готах историческая наука осведомлена лучше, чем о большинстве других завоевателей той эпохи, благодаря сочинению Иордана. Этот позднеантичный историк, происходивший из гото-аланской среды, несомненно, пристрастен и неточен, ибо он писал в середине VI в. Но в свое время Иордан служил нотарием одного из варварских вождей и мог знать немало. Кроме того, работая над текстом «De origine actibusque Getarum» («О происхождении и деяниях гетов», кратко «Getika»), Иордан пользовался утраченной «Историей готов» Кассиодора Сенатора и сочинениями Аблабия. Эти работы были известны в IV–V вв. По словам Иордана, готы оставили берега Южной Балтики и остров Готланд во главе с вождем Беригом (II в.), а пришли в Северное Причерноморье во главе с вождем Филимером (первая половина III в.). Во время своего продвижения они разгромили германское племя вандалов и ряд других племен. Затем готы «как победители спешат в крайнюю часть Скифии, которая соседствует с Понтийским морем. Так по общему обычаю вспоминается в их древних песнях, почти похожих на исторические сочинения. Об этом свидетельствует и Аблабий, превосходно описавший народ готов в своей достовернейшей «Истории», – свидетельствовал Иордан[25].

---

[24] Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства (Археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 г.) // ЗООИД. Т. XX. С. 13, 14.

[25] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступ. статья, пер. и коммент. А. Н. Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М., 1991. С. 105, 106.

Готы пришли на Боспор не только в поисках земель для поселения. Варвары хорошо понимали стратегическое значение этих мест. Отсюда можно было совершать походы против богатых городов и провинций Понта. Но для этого им нужен был флот. Готы силой принудили Рескупорида IV предоставить им корабли и опытных мореходов. Так Боспор стал базой, откуда на протяжении третьей четверти III века германцы совершили ряд грабительских походов на римские провинции. В 250 г. готы напали на Мизию, а потомки непокоренных даков вторглись в Дакию. Разгром у Никополя на Дунае не остановил готов. Они перешли Балканы и в 251 г. нанесли ряд поражений римлянам, в которых погибли император Декий и его сын. Империя оказалась на грани катастрофы. Положение спас римский полководец Эмилиан, сумевший реорганизовать разбитые римские войска и в 252 г. отбросить германцев за Дунай. Целью похода готов в 255–256 гг. стал богатый город Питиунт в Восточном Причерноморье. Осада города не принесла ожидаемых результатов, но готы разграбили окрестные поселения и вернулись на Боспор. Через год они совершили новый поход, захватили Питиунт и другие близлежащие города. В 264 году готы на кораблях достигли южного берега Понта и отсюда совершили молниеносный переход в глубь Малой Азии. Они опустошили римские провинции Каппадокию и Вифинию и вернулись назад с богатой добычей. В 268 году готы Боспора приняли участие в совместном походе германских племен Северного Причерноморья на римские провинции за Дунаем и на Балканах. В результате этой экспедиции были опустошены огромные территории и разграблены десятки городов, но германцы получили отпор римских легионов и обосновались в Дакии. Значительная часть готов вернулась из этого похода в Таврию. В 276 г. готы отправились в новый поход против малоазийских провинций. Но здесь, как и на Балканах, их встретили боеспособные римские легионы. В сражениях с ними германцы были разбиты. Разгром готов, возвратившихся на Боспор, довершил царь Тейран (276–279 гг.). Ему удалось восстановить Боспорское царство и наладить дружественные отношения с Римской империей. В это же время римские войска нанесли еще несколько поражений германцам на Дунае и временно ослабили готскую угрозу. Потерпевшие тогда поражение в борьбе с империей, готы расселились в Северном Причерноморье и в Крыму. Готские войны не прошли бесследно для Боспорского царства. Зона культурного и экономического влияния Боспора и в период расцвета (до вторжений середины III века) была скромна. Она хорошо очерчивается находками боспорских фибул II–III вв. Это восточный Крым, Северный Кавказ, низовья Волги, нижний и средний Дон. С IV века экспорт боспорской ремесленной продукции совсем прекратился[26]. Этот факт согласуется с выводом исследователя В. Д. Блаватского о сокращении внешних связей Боспора и натурализации его экономики в IV веке.

Заметно обеднела столица Боспора – Пантикапей. На основе анализа археологических раскопок городского некрополя исследователь Г. А. Цветаева сообщала: «Некрополь III в. н. э. отразил период начинающегося упадка Пантикапея. По своей территории этот некрополь почти в два раза меньше некрополя I–II вв. Погребения обоих склонов горы Митридат в это время довольно бедны инвентарем и типами погребальных сооружений. Заметно сильное обеднение населения, о чем свидетельствует нищенский инвентарь простых погребений, сильное уменьшение количества погребений с оружием и замена каменных склепов земляными…»[27]. В 332 г. на Боспоре прекратилась чеканка денег, экономические связи ослабли, и хозяйственная жизнь приняла натуральный характер. Готы юго-западного Крыма в IV в. получили земли и статус римских федератов (союзников) и приняли христианство по

[26] Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник I. «АРХЭ». М., 1992. С. 57.

[27] Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА 19. М., 1951. С. 82, 83.

ортодоксальному обряду. Готы, жившие восточнее, были экономически связаны с Пантикапеем и сыграли значительную роль в принятии христианства населением Боспора[28].

[28] Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.

Раздел 3
Христианизация Северного Причерноморья. Становление позднеантичной цивилизации

В исторической литературе благодаря церковным преданиям довольно долго господствовало мнение о том, что христианство укрепилось в Херсонесе, как и во всей Римской империи, к концу первой трети IV века. Однако сопоставление ряда свидетельств из области церковного предания с археологическими данными, заставляет отнести этот процесс к исходу IV – началу V века. В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, какое значение придавали римские императоры обращению херсонеситов в христианство? Во-вторых, как повлияло принятие Херсонесом христианства на отношение с имперской властью? И, в-третьих, как стали меняться после этого отношения греков и римлян с варварами?

Позднеантичный Херсонес, все более ощущавший влияние и покровительство Восточной Римской империи, пережил период «готских войн» почти безболезненно. В конце III – начале IV в. христианское вероучение широко распространялось среди городского населения империи. Благодаря церковному преданию известно, что около 300 года н. э. Иерусалимский первоиерарх Ермон послал в Херсонес двух епископов – Ефрема и Василия. Оба проповедовали некоторое время в городе. Затем Ефрем перебрался на Дунай и возможно проповедовал у готов. Василий также оставил Херсонес, будучи гоним иудеями и язычниками. Он удалился на гору Парфенон («Девичья») в ста стадиях от Херсонеса, где было капище эллинской богини-девы, и молился там. Известия о его деяниях и проповедях видимо доходили до Херсонеса, и один знатный херсонесит, у которого заболел сын, обратился к Василию за помощью. Проповедник исцелил ребенка, после чего некоторые херсонеситы, видимо из среды более состоятельных, приняли крещение. Эти события вызвали новую волну негодования среди язычников и иудеев, затем последовали избиение и гибель христианского епископа, позднее причисленного к лику святых. Проповедовавший на Дунае Ефрем также возбудил недовольство языческого населения на границах империи и по приговору римской администрации был казнен мечом.

Немногочисленная паства Херсонеса видимо обратилась к христианским общинам городов Геллеспонта с просьбой прислать новых епископов. И вскоре в город на Гераклейском полуострове прибыли иерархи: Евгений, Елпидий и Агафодор. Их проповеди и деятельность были успешны, но недолговечны, так как вызвали очередную волну гонений и гибель этих христианских подвижников. Скорее всего, их деятельность пришлась на время правления августа Галерия, развязавшего против христиан наиболее ожесточенные гонения в Восточной римской империи с 305 по 311 гг.

Новый этап проповеднической деятельности и становления христианства в Херсонесе пришелся уже на время воцарения на востоке империи августа Константина I (Великого). Дело в том, что август Восточной Римской империи Лициний (311–324 гг.) даже после Миланского эдикта 313 года недоброжелательно, а порой и враждебно относился к христианам. Утверждение Константина на востоке сопровождалось войной, победой над Лицинием и отражением нашествия готов, действовавших на стороне последнего. Эти события произошли в 323–324 гг. Вскоре на восток – на берега Босфора, была перенесена и столица объединившейся вновь державы и единый правитель мог контролировать все ее провинции, в том числе и Херсонес. Без сомнения, положение христианской общины Херсонеса намного улучшилось в годы правления на востоке императора Константина I (324–337 гг.). Но и язычество все еще оставалось здесь значительной силой. Агиографическая христиан-

ская литература, основанная зачастую на устном предании, утверждает, что массовое крещение всего населения Херсонеса пришлось на время служения там епископов Еферия и Капитона, современников Константина Великого. По этому поводу существует ряд противоречий, выявляемых отдельными археологическими данными и светскими источниками. Известно, что одним из первых в Херсонесе почитаемых христианами мест стала могила священномученика Василия, над которой возможно уже в IV веке была построена небольшая капелла с кирпичным сводом над склепом святого. Но находилось это место тогда вне пределов города – у его западной оборонительной стены. Все остальные места христианских собраний, и храмы в том числе, по археологическим данным, принадлежат времени не ранее конца IV – начала V вв. Одним из самых ранних христианских храмов является базилика с «трехлепестковой» апсидой из симметрично расположенных полукруглых ниш, построенная в V веке в восточной части города. Примерно в это время построен и небольшой храм с «трехлепестковой» апсидой, а рядом самый крупный херсонесский баптистерий – крещальня с большой круглой купелью, вырубленной в скале в VI в. в северной части города. О массовом приобщении херсонеситов к христианству свидетельствует и упразднение синагоги в конце IV в. с последовавшей перестройкой ее в V в. в христианскую базилику. Но предание связывает крещение херсонеситов с именами свв. подвижников Эферия и Капитона, называя последних современниками августа Константина Великого. Эферию даже приписывается участие в I Вселенском соборе. Но, скорее всего, свв. Эферий и Капитон не являлись современниками Константина I. Вероятно, они проповедывали в период правления другого известного императора – Феодосия Великого (379–395), прославленного организатора II Вселенского собора, победителя арианской ереси, обратившего в христианство все подвластное население империи и установившего мир с воинственными готами. В подтверждение тому можно привести предание, которое гласит, что св. Капитон в доказательство правоты христианского учения на глазах горожан вошел в горящую печь и вышел оттуда невредимым. Это привело к массовому крещению язычников. Память о подвиге епископа Капитона долго сохранялась среди населения города. А при раскопках Херсонеса были обнаружены фундаменты четырехапсидного храма-мемория, выстроенного в VI в. над остатками известеобжигательной печи второй половины IV в. Скорее всего с этим местом и связывало предание подвиг св. епископа Капитона. Под влиянием Христианской Церкви стали меняться нравы и обычаи херсонеситов: запустел античный амфитеатр, так как с начала IV в. все реже проводились гладиаторские бои, позднее вовсе запрещенные властью.

Начало V в. было отмечено для Таврии новым варварским нашествием. На этот раз на полуостров с востока – из Великой степи пришли орды кочевников – гуннов. Херсонесу удалось избежать опасности. С конца IV века римляне (что на греческом языке звучало как «ромеи») расселяли на подступах к городу готов и алан, заключивших с Константинополем союз и обязавшихся оборонять Херсонес. За эту службу ромеи наделяли варваров земельными владениями и периодически выплачивали им денежное жалованье. Союзники-варвары, называемые «федератами», вскоре сами стали обращаться в христианство и приобщаться к греко-римской культуре и цивилизации.

Немалые средства выделялись на ремонт и реконструкцию оборонительных сооружений Херсонеса в соответствии с новыми требованиями военной науки. Сохранилась надпись конца V в., свидетельствующая об их восстановлении в период правления ромейского императора Зенона (474–491). Так, со стороны залива стены цитадели были усилены еще одной прямоугольной в плане башней. Возможно, усиливались и другие участки стен со стороны моря. У южных стен в городе было построено большое водохранилище с прилегающими к нему помещениями терм. Большие запасы пресной воды были необходимы городу в случае длительной осады. Не исключено, что тогда же начались работы по возведению новой линии

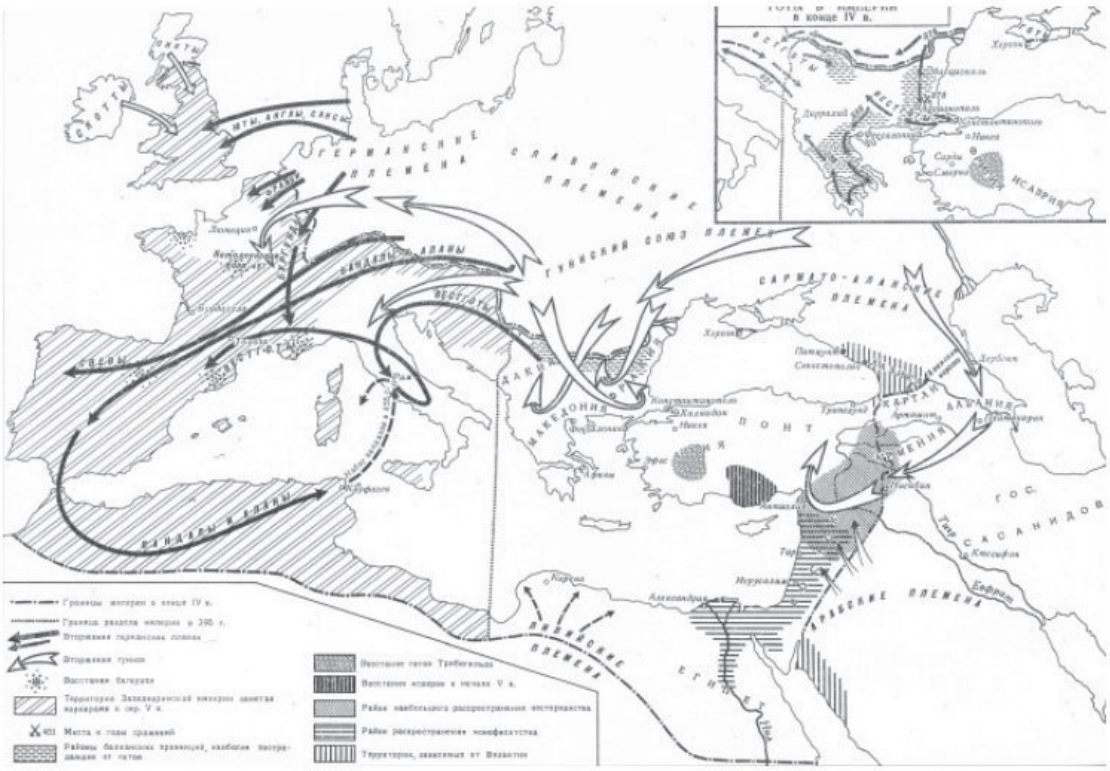
стен и башен в западной части оборонительных сооружений города[29]. Ромейские императоры прекрасно понимали стратегическое значение города на Гераклейском полуострове и не хотели терять свой последний форпост в Северном Причерноморье.

[29] Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко А. В. Археологические памятники Крыма. Херсонес. Карта историко-археологического благотворительного фонда «Наследие тысячелетий».

Раздел 4
Позднеантичная цивилизация Северного Причерноморья и держава гуннов в Восточной Европе

После периода варварских войн III в., когда погибли многие цветущие города и селения античного Боспорского царства, резко сократилась сфера его влияния на прилегающих территориях. С конца III в. боспорские цари не только не могли отправлять поступлений в казну империи, но сами нуждались в годовых субсидиях со стороны Рима. Пантикапей, хотя и оставался довольно значительным по размерам городом, но пришел в сильное запустение. Город подвергся сильной рустификации, а культурный уровень его обитателей стал несравненно ниже, чем в I–II вв. по Р. Х. Уже не поддерживалась система террас на склонах горы Митридат. В правление царя Фофорса (286–308 гг.) государственная казна находилась в самом плачевном состоянии: выпускавшиеся статеры (монеты) чеканились из чистой меди. Обесценивание денег привело к тому, что монетная чеканка на Боспоре прекратилась в 332 г. Очень редки надписи того времени. Почти прекратилось сооружение статуй, судя по базам с датами на них. Экономические связи ослабли, и хозяйственная жизнь принимала все более натуральный характер. По данным исследователя Г. А. Цветаевой, некрополь IV в. н. э. еще более сжался в своих размерах. Погребения его стали немногочисленны, бедны и свидетельствуют о сильном распространении христианства. Земляные склепы захоронений вырезались заново в малом количестве, чаще использовались старые склепы, или под склепы использовались старые зерновые ямы.

Готы юго-западного Крыма получили земли и статус ромейских федератов. Здесь же – в восточном Крыму сложился самостоятельный округ поселений готов-тетракситов. Согласно более поздним сообщениям известного позднеантичного историка Прокопия Кесарийского (VI в.), готы жили там, где «начало устья Меотского болота… образует залив в виде полумесяца», то есть на Керченском полуострове. Подтверждая это, исследователь А. К. Амброз сообщает, что готские могильники восточнее Керченского пролива не найдены. Но готы-земледельцы видимо были тесно связаны с Пантикапеем, являлись его сельским пригородом и возможно даже хоронили своих покойников на городском некрополе. Вероятно, здесь протекал процесс сращивания рустифицированного города с его социально-развитой сельской округой, процесс широкого проникновения в город окрестных земледельцев и заимствование горожанами их обычаев и даже внешнего облика. Прокопий Кесарийский описывал политику готов-тетракситов и их посольство к императору Юстиниану (VI в.), говорил об их епископах. Готы, принявшие христианство в начале IV в., сыграли огромную роль в деле приобщения к христианству греческого населения Боспора. Когда в 325 году в малоазийском городе Никее был созван I Вселенский собор, в его работе принял участие и представитель боспорских христиан епископ Кадм. В V в. христианство было уже официальной религией Боспорского царства: изображения креста помещали на надписях царей и высших государственных чиновников. Наличие у тетракситов своего епископа свидетельствовало и об их церковной автономии. Как известно из писем Иоанна Златоуста, православные крымские готы совершали богослужение не на греческом, а на родном языке. Правда, их пастырь не был епископом, имеющим власть над определенной территорией, а только священником для готов-тетракситов, напрямую подчиненным Константинопольскому первоиерарху. Политически готы представляли собой особую автономию. Гуннское нашествие мало изменило их положение.



Империя ромеев в конце IV – первой половине V века (до 457 г.)

На протяжении многих веков считалось, что гуннское нашествие явилось страшным бедствием для народов Европы и европейской цивилизации. Гунны – древний тюркоязычный кочевой народ Великой степи, завоевавший Северный Китай в самом начале IV века н. э. При их участии в Северном Китае было создано государство Вэй. Но в силу определенных историко-географических условий свой главный удар гунны направили на Запад. Историки утверждали, что, проходя по степям Юго-Восточной Европы, гунны сгоняли прежнее население, частично истребляя его, частично увлекая за собой. Однако археологические исследования последних десятилетий XX века внесли серьезные коррективы в подобную постановку вопроса. Значительные сдвиги в этом направлении уже заметны в литературе, предлагаемой для высшей школы[30]. И все же нашествие гуннов явилось и серьезным испытанием, и определенной вехой в жизни народов Восточной Европы. Поэтому представляют интерес ответы на вопрос о том, как гуннское нашествие повлияло на изменение политической и этнической картины этого региона, какую роль сыграли гунны в жизни славяно-росских племен в V веке.

Археологическое изучение городских слоев Пантикапея, проводившееся на горе Митридат, не представляет никаких реальных следов гуннского разгрома. Исследователи В. Д. Блаватский и А. Л. Якобсон предполагают, что к исходу IV в. город постепенно сузился и занимал небольшую территорию у моря, вокруг храма Иоанна Предтечи. Естественно, возникает вопрос о том, когда гунны захватили Боспор. По свидетельствам Аммиана Марцелина они разгромили аланов в конце 360 – начале 370 гг. Многие аланы пали в сражении, а остальные были вынуждены заключить с гуннами договор и присоединиться к ним. Затем завоеватели нанесли поражение готам Северного Причерноморья и разгромили государство Херманарика, после чего вестготы в 375 г. попросили у ромеев убежища за Дунаем. Следова-

[30] Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье: Учебное пособие для гуманитарных факультетов вузов. М., 1998.

тельно, к 375 г. Боспор уже должен был попасть под власть гуннов. Археологические данные о характере гуннского завоевания не однозначны. Исследователи связывают с гуннами разрушение и частичное запустение Фанагории и ряда поселений на Таманском полуострове. Но раскопки Гермонассы не дали никаких данных о разгроме или пожарах города в конце IV в. Особенно неожиданными оказались результаты раскопок Танаиса. Выяснено, что этот город был разрушен варварами в середине III в. и вновь возродился только в период гуннского владычества. Автор раскопок Танаиса Д. Б. Шелов пришел к выводу, что «возрождение жизни в Танаисе относится уже к периоду после гуннского нашествия. К последней четверти IV в… жизнь в Танаисе возобновилась сравнительно скоро после 375 г., года перехода гуннов через Дон, вероятно, еще в конце 70-х или 80-х гг. IV в.».[31] Пример Танаиса показывает, что слово «гунн» неверно считать синонимом слова «опустошение». Такая характеристика этого непривычного для римлян противника была основана на рассказах разгромленных гуннами и бежавших вестготов, а также на впечатлениях от гуннских грабительских набегов на территорию империи. С другой стороны, письменные источники свидетельствуют не об истреблении, а о присоединении гуннами побежденных и соседствующих с ними народов – остготов, алан, славян-россов и других. Остготы, по сообщению Иордана, сохранили своих вождей и автономию во внутренних делах. В этой обстановке понятно и возрождение Танаиса. Кочевники нуждались в земледельческих продуктах и ремесленных изделиях, они не были заинтересованы в истреблении оседлого населения в своих владениях. Грабя и разрушая сопротивлявшиеся города (Фанагорию и др.), они относились снисходительнее к подчинившимся. Да и Фанагория быстро оправилась от разгрома.

Сокращение территории Пантикапея, Фанагории и других городов Боспора в V в. не было простым следствием военных действий, а также не было местным явлением. Резкое уменьшение площади городов и даже запустение многих из них наблюдалось повсеместно на территории Ромейской империи в VI–VII вв. Города приходили в упадок, аграризировались или исчезали не только в Крыму, на Дунае и Балканах, где это можно было бы приписать вторжениям варваров, но и в Малой Азии (Пергам, Эфес, Гангры, Никомидия, Пессинунт, Трапезунд и др.). Города стали крепостями: они либо были окружены стенами, либо же имели укрепленный центр – «кастрон», возле которого группировалось население. Даже внутри городских стен разводилось немало виноградников и садов. Такие исследователи, как А. П. Каждан и М. Я. Сюзюмов, объясняют это глубокими экономическими и социальными сдвигами в период перехода от античности к средневековью[32]. На Боспоре этот процесс был ускорен не только вторжением варваров, но и относительной слабостью экономики местных городов по сравнению с малоазийскими или балканскими.

Как выяснено В. Д. Блаватским, Пантикапей до прихода гуннов занимал старую площадь, но более редко заселенную. Военная опасность и градостроительные соображения побуждали городских жителей к более компактному заселению городской территории, которую они могли контролировать и охранять. Подчинившийся гуннам, Боспор мог сохранить такую же внутреннюю автономию, какую сохранили остготы и гепиды. В этой обстановке боспорская знать видимо укрепила свои позиции, связав свои интересы с интересами гуннской военной верхушки. Быстро перенимались обычаи и костюм, воинское снаряжение и конская упряжь, сложившиеся в центре гуннской державы, о чем свидетельствуют археологические данные. Следом боспорская знать приняла участие в грабительских походах гуннов на территории Восточной и Западной империй в V веке. Здесь вполне уместно привести высказывание Л. Н. Гумилева о влиянии культуры кочевых народов Великой степи на народы

[31] Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века новой эры. М., 1972. С. 327, 328.

[32] Каждан А. П. Византийские города в VII–XI вв. // СА. Т. XXI, 1954. С. 181, 187. Сюзюмов М. Я. Социально-экономические отношения и государственный строй Византии в конце VII – середине IX в. // История Византии. Т. II. М., 1967. С. 23, 33.

Европы: «Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности изобрели такие предметы, которые ныне вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое… Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности. Стремя впервые появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая тяжелый прямой меч, и усовершенствованный длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 м»[33]. Такая конструкция лука позволяла использовать крупные и тяжелые наконечники стрел, пробивавших любые доспехи. Гунны атаковали врага в конном строю, имевшем форму клина и при сближении осыпали противника градом стрел. В ближнем бою они сражались метательными копьями, мечами и арканами, которыми опутывали врага, сбивали его с коня и валили на землю.

Влиянию и политическому господству гуннов в Восточной Европе подчинилась и часть славян, заселявших лесостепи и степи между нижним течением Дуная (Истра) и бассейном Днепра (Борисфена). В этом аспекте представляют значительный интерес сообщения ромейского историка VI в. Иордана, приведенные им в труде «О происхождении и деяниях гетов» в 550–551 гг.: «Эта страна, то есть Скифия… имеет с востока… берег Каспийского моря в самом его начале, с запада – германцев и реку Вистулу, с полуночи, то есть с севера, окружена Океаном, с юга – Персией, Албанией (Восточное Закавказье), Иберией (Грузия), Понтом и нижним течением Истра, который называется Данувий… А по той стороне, которая примыкает к Понтийскому морю, она покрыта небезызвестными городами: Борисфениды (видимо город в устье Днепра), Ольвия, Каллипода, Херсона, Феодосия, Карей, Мирмекий и Трапезунта… Посередине этой Скифии есть место… а именно горы Рифей, которые изливают широчайший Танаис (Дон), впадающий в Меотиду… к северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их название меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все называются **славянами** и **антами**. Славяне живут от города Новиетуна (видимо город Новиодун на правом берегу Дуная) и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра (Днестра) и на севере до Висклы (Вислы); болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра (Днепра). Эти реки удалены друг от друга на много переходов»[34]. По сообщениям Иордана, вождь готов Херманарик подчинил своей власти венетов, славян, и **росомонов**. Но в 375 г. гунны перешли Дон, разгромили готов, а Херманарик покончил с собой. Венеты, славяне и росомоны освободились от власти готов. Затем последовал развал готского союза: остготы подчинились гуннам, а вестготы ушли за Дунай. Новый предводитель остготов Винитарий попытался освободиться от власти гуннов в конце IV в. Среди остготов произошел раскол, так как другой их вождь Гесимунд остался верен гуннам. Винитарий двинул свои войска на Восток – «в пределы антов. И когда подошел к ним, был побежден в первой стычке, затем повел себя более храбро и вождя их по имени Боз с сыновьями его и 70 знатными людьми распял, чтобы трупы повешенных удваивали страх покоренных», – свидетельствует Иордан. Новые сражения с гуннами и их союзниками принесли успех Винитарию. Однако вождь гуннов Баламер смог собраться силами и в третьем сражении сокрушил готов Винитария, окончательно подчинив их. Сам Винитарий погиб в сражении от стрелы, ударившей его в голову. Так, к началу V в. на юге Восточной Европы сложилась мощная гуннская держава, в состав которой вошли земли и население

[33] Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 28.

[34] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М., 1991. С. 107–109.

Таврии (за исключением Херсонеса с округой), кочевые и оседлые народы степного Причерноморья, где значительная роль принадлежала остготам, степные и лесостепные территории по берегам Днестра, Южного Буга, Днепра и Дона, где господствующее положение занимали славяне, анты и росомоны. Политическая обстановка подталкивала славян и антов к союзу с гуннами, что позволяло им сохранять свою автономию и независимость от готов. Естественно, славяне и анты юга Восточной Европы приняли живое участие в походах гуннов на имперские владения в первой половине V века. Косвенные свидетельства об участии славян и антов в походе гуннов на Ромейскую империю под предводительством Ругилы относятся к 431–432 гг. Тогда об этом сообщил Константинопольский патриарх Прокл. Более определенно можно говорить об участии славян в походе гуннов 448–453 гг. на имперские владения под руководством Атиллы. Об этом свидетельствовал в своей «Истории» ромейский дипломат Приск, принимавший участие в посольстве, направленном императором Феодосием II (408–450 гг.) к Атилле в 448 г. Разгром гуннов в битве на Каталаунских полях в 451 г., смерть Атиллы в 453 г., повлекли за собой возвращение гуннов в южные степи Восточной Европы и распад гуннской державы. Славяне-росы и анты вновь обрели независимость. Остготы ушли на запад – в Паннонию, где на границах Римской империи образовали свое государство. Для Ромейской империи это было время серьезнейших богословских исканий и конфессионального раскола Вселенской христианской Церкви, определившегося после IV Вселенского Собора (451 г.). Тогда большая часть христианских общин Сирии, Палестины и Египта отпала от ортодоксального учения о божественной и человеческой природах Христа, и признала только одну его божественную природу. Учение об одной природе Христа и дало название новому течению, сложившемуся как конфессия **монофелитства**.

После распада державы часть гуннов вернулась в степи Причерноморья или ушла восточнее. Гуннское племя альтциагиров переселилось в Крым. По свидетельству Иордана альтциагиры «летом кочевали по степям на обширных пространствах, а зимой возвращались к Понтийскому морю» и кочевали близ Херсонеса. Готы-тетракситы оставили за собой горный Крым и Керченский полуостров. Влияние гуннов в восточном Крыму сохранялось лишь до начала VI в. При императоре Юстине (518–527 гг.), согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, здесь водворилась ромейская администрация. Об этом же свидетельствует и надпись царя Диптуна. Ромейские императоры стремились установить полное господство в юго-восточной части Крыма и на Тамани. Гуннским вождям присылались богатые подарки, в кочевья гуннов посылались христианские миссии. При императоре Юстиниане I (527–565 гг.) вождь боспорских гуннов по имени Горд, во время пребывания в Константинополе, принял христианство и признал себя вассалом империи. В боспорских городах размещались ромейские войска. Однако все это вызвало недовольство гуннской военной знати и жречества, что привело к организации заговора. После возвращения из столицы Ромейской империи Горд попытался запретить язычество и уничтожить языческих идолов, но это привело к восстанию против него. Убив Горда, гунны напали на боспорские города и разгромили часть ромейских гарнизонов. Боспор вновь охватило пламя войны. Но базилевс Юстиниан I отправил туда части регулярной армии, которые отбросили и разгромили гуннов. После чего Боспор полностью вошел в состав империи. К середине VI в. позднеантичная христианская Империя Ромеев, вступившая в эпоху расцвета, стала твердой ногой в своих владениях в Таврии.

Глава II
Отношения Ромейской империи с народами Восточной Европы и их соседями в период расцвета и кризиса позднеантичной эпохи VI–VII вв.

VI столетие стало переломным в отношениях империи со славянством. Вследствие славянской экспансии к VII в. неузнаваемо изменился этнический облик и социально-экономические условия жизни Балканского полуострова. Благодаря значительному количеству исторических сочинений, эти события нашли яркое освещение в научной литературе. Но, несмотря на это, и в исторических источниках, и среди большого круга исследователей сохраняется ряд спорных вопросов, касающихся этнонимов отдельных племен, этнического состава варварских отрядов, вторгавшихся на территорию империи и заселявших ее. Требует уточнения хронология многих событий, связанная с ведением военных действий, переговоров, осуществлением посольских миссий, заключением мирных договоров и союзов.

Раздел 1
Владения империи в Южном Крыму и на Боспоре в VI в.

Император Юстиниан Великий, установивший власть империи над Боспором, восстановил и укрепил оборонительные сооружения Пантикапея. В стране были размещены гарнизоны, в состав которых входили отряды готов-федератов. Ромейская администрация взяла под свой контроль территории Таманского полуострова и Восточного Приазовья. Пантикапей превратился в крупный морской порт, а Керченский пролив стал оживленной морской артерией. Подъем ремесла и рыболовство оживили экономику древней столицы Боспора. Здесь процветало производство строительных материалов, гончарное дело. В окрестностях столицы оживилось сельское хозяйство. Значительно выросла торговля Крыма с империей. В обмен на ромейские товары отсюда вывозились меха, кожи, скот и много рабов. Из Херсона, кроме того, везли соль – предмет исконного промысла херсонесцев. Торговля Херсона с империей шла хорошо известным морским путем – в Малую Азию и Константинополь. В VI в. наблюдалось значительное развитие судоходства на Черном море. Для Херсона, Боспора и Лазики ромейским правительством была даже установлена морская повинность, состоявшая в поставке государству судов и их снаряжении. В Херсоне было развито рыболовство, виноделие, производство строительной керамики, кирпича, черепицы, обработка камня. Через Боспор налаживались экономические связи с оседлым населением и кочевниками Приазовья и Северного Кавказа. Херсон и Боспор стали центрами мирных сношений с гуннами, аланами, готами, славянами. Именно в среде этих варварских племен империя черпала наемное войско, столь необходимое ей для завоеваний на Западе и нескончаемых войн с Ираном на Востоке. Ромейское купечество привозило сюда драгоценные товары Востока – пряности, ароматы, жемчуг, роскошные ткани, ювелирные изделия. Археологические раскопки Херсона и других городов Крыма свидетельствуют о ввозе в Таврику в то время металлических изделий, сельскохозяйственного инвентаря, стеклянной и керамической посуды, различных тканей[35]. Возможно, что из Малой Азии в Херсон ввозился и хлеб, в котором нуждалось многочисленное население этого города.

Религиозным центром Боспора стала базилика, располагавшаяся на месте современного храма Иоанна Предтечи. Рядом с ней был сооружен баптистерий. Храмы появились и в других поселениях Боспора VI в. Город управлялся викарием – начальником ромейского гарнизона. Викария назначали в Константинополе. Власть империи утверждалась и на южном берегу Крыма. Из сочинений Прокопия Кесарийского известно, что здесь были сооружены две крепости: Алуста и Горзубитах (вероятно на территории современной Алушты и Гурзуфа)[36]. Появление этих оборонительных укреплений на южном берегу полуострова означало, что империей полностью контролировался морской путь из Херсона на Боспор. Так была воссоздана римская система контроля за крымским побережьем и каботажным судоходством. В подвластных империи городах и областях Таврики вводилась ромейская налоговая и административная система. Чаще всего в руках командиров ромейских войск, расквартированных в Херсоне или Боспоре, сосредотачивалось как военное, так и гражданское управление.

Из трудов Прокопия известно также о сооружении в правление Юстиниана I так называемых «длинных стен» для защиты страны Дори. Большинство ученых склоняется к мысли,

[35] История Византии. Т. I. М., 1967. С. 335.

[36] Прокопий Кесарийский. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева. – ВДИ. 1939, № 4.

что страна Дори – это территория, которая впоследствии стала называться Готией или Климатами, то есть горный, юго-западный Крым. Длинные стены – также реально существовавшие оборонительные сооружения, перекрывавшие легкодоступные ущелья горной Таврии и препятствовавшие продвижениям кочевников в глубь Дори и к Херсонесу[37].

При базилевсе Юстине II (565–578) в древней столице Боспора разместился дука – начальник всех ромейских войск в Таврии. Внешнеполитическая обстановка для империи в последней трети VI в. стала ухудшаться. Поэтому имперские наместники стали совершенствовать систему оборонительных укреплений полуострова. Это время характеризуется ослаблением позднеантичной империи, начинавшей испытывать большие финансовые затруднения, военные неудачи и новые вторжения варваров. Не обошел стороной этот процесс и Крым. Сюда вплотную подошли орды кочевников-тюрок. В начале 570-х гг. они завоевали земли между Азовским морем и Кавказским хребтом. В 576 г. тюрки вторглись на земли Боспора и разграбили его столицу.

Тюркская угроза стимулировала развитие оборонительной системы позднеантичного Херсона. Видимо тогда, по распоряжению Юстина II, и были проведены очередные работы по укреплению западного участка оборонительных сооружений города. Новая линия стен и башен была построена западнее древнего христианского комплекса церковных зданий и окончательно взяла их под свою защиту. Возможно тогда же, на стыке западного и южного участков городских укреплений, был достроен большой фортификационный комплекс, названный «Святыми» (или «Красивыми») воротами. В 581 г., по свидетельству ромейского автора Менандра Протектора, тюрки подошли к Херсону, пытались приступом взять его[38]. Но они были отброшены от стен города войсками ромеев и готов. Поражение, понесенное под стенами Херсона, не прошло бесследно для тюрок. С ними был заключен мирный договор на условиях, выгодных для Херсона. В том же году после смерти кагана Арсилы тюркское государство распалось. Остатки тюрок были вынуждены уйти из Крыма.

После скорого заключения мира с тюрками началось массовое строительство крупнейших городских храмов. Именно тогда в городе достраивались или возводились вновь многие храмы и церковные здания. В древней части города была построена капелла-мартирий с подземным мавзолеем. В северной – возвели самый крупный баптистерий-крещальню с большой круглой купелью, вырубленной в скале. У морского побережья – резиденцию городского епископа с одной из крупнейших базилик, идентифицируемой с храмом апостола Петра. Западнее построили два храма, названные уже в XX в. археологами как «северная базилика» и «базилика в базилике». В северо-западной части города, близ городских стен были отстроены такие церковные комплексы, как «базилика на холме» с кладбищем и часовней, а также «западная базилика», отождествляемая с «домом св. Леонтия». Видимо, последний представлял собой комплекс женского монастыря. На углу левого нефа храма находилась крещальня с купелью, по обеим сторонам которой располагались погребения местных церковных иерархов. В галерее, примыкавшей к базилике с юга, могла размещаться богадельня. С севера к комплексу примыкала крестообразная в плане капелла-мартирий со склепом. Рядом с «северной базиликой» была построена городская баня, вымощенная камнем и имевшая горячее отопление.

Город продолжал оставаться главным опорным пунктом империи в Крыму. Здесь и на севере имперских владений он по-прежнему являлся наиболее крупным центром ремесленного производства и обмена, к которому преимущественно тяготело и сельское население полуострова.

---

[37] Один фрагмент «длинных стен» был выявлен в первой половине 80-х гг. XX в. при археологических работах в балке Каралез под Мангупом. – *Прим. автора*.

[38] Менандр Протектор. История. Вступ. статья, пер. и коммент. И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М., с. 325.

* * *

Из сочинения Прокопия Кесарийского (559–560 гг.) «О постройках»[39]: «Он (Юстиниан) воздвиг там (в Южном Крыму) и два укрепления, так называемое Алуста и в Горзубитах. 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян. 13. Здесь же на этом побережье есть страна Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз, когда императору было это угодно. 14. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны… 17. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом, отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов.

[39] Прокопий Кесарийский. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева. – ВДИ, 1939, № 4.

Раздел 2
Империя Ромеев и славяне в VI–VII вв. Столкновение империи ромеев со славянским миром в VI в.

Уже с начала VI в. славянский мир Восточной Европы вновь и всерьез, но уже самостоятельно заявил греко-ромейской цивилизации о намерениях изменить этнополитическую картину на северо-восточных рубежах и территориях империи в свою пользу. В сочинениях Иордана рассказано лишь о расселении славян и их отношениях с другими народами Восточной Европы в V веке. Однако, оценивая политическую ситуацию своего времени (конца 40-х гг. VI в. при завершении работы над «Гетикой»), этот автор кратко отмечал, что венеты, анты и славяне «теперь свирепствуют повсюду по грехам нашим». Рассказывая о венетах, антах и славянах в V в., Иордан упомянул и о «роде Россомонов», изменившем готскому вождю Херманарику[40]. Немногим позднее, в 555 г. сириец Захария Ритор также свидетельствовал о могучем народе «Рос», видимо, занимавшим территории к западу от реки Дон. Отечественные исследователи Н. В. Пигулевская[41], Б. А. Рыбаков[42], Е. Ч. Скржинская[43] сопоставляют термины «Россомоны» и «Рос» с этнонимом «Русь». Противоположны этой точке зрения утверждения исследователей А. И. Попова[44] и Г. С. Лебедева[45], которые считают эти сопоставления абсолютно беспочвенными и основанными на грубой ошибке в понимании свидетельств Захарии Ритора. Так или иначе, но к началу VI в. славянство заняло значительную территорию Восточной Европы и в нижнем течении Дуная вплотную подступило к границам Империи Ромеев.

На основании свидетельств Прокопия Кесарийского, изложенных в сочинении «Готская война» (551 г.), можно предполагать, что славяне обосновались на севро-востоке Нижней Мизии (в Добрудже) вскоре после 511 г., а ромейская администрация так и не смогла восстановить контроль над этой территорией. Тогда и позднее ромеи воздвигли и перестроили здесь целый ряд крепостей, таких, как Силистрия (Доростол), Квестрис (Голеш), Палматис (Светослав), крепость св. Кирилла, Улмитон (Меджидия), Адина. Однако, по словам Прокопия, «варвары-склавины, постоянно скрываясь в этих местах и всегда **устраивая тайно засады** на идущих здесь, делали непроходимыми тамошние места…»[46]. Косвенным свидетельством того, что славяне стали оседать в империи на рубеже V–VI вв., может служить топонимика: в трактате «О постройках» Прокопий перечислял сотни названий крепостей, среди которых от двух до девяти могут со значительной степенью вероятности считаться славянскими. Те из них, что поддаются локализации, концентрируются выше по течению Дуная в районе Ниша и Пирота[47]. Уже под 517 г. Аммиан Марцеллин сообщал об опустошении Македонии и Фессалии вплоть до Фермопил и Старого Эпира «гетскими всадниками».

---

[40] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 113.

[41] Пигулевская Н. В. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. М., 1952.

[42] Рыбаков Б. А. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. – СА, 1959, № 4.

[43] Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica. Вступ. статья, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 279.

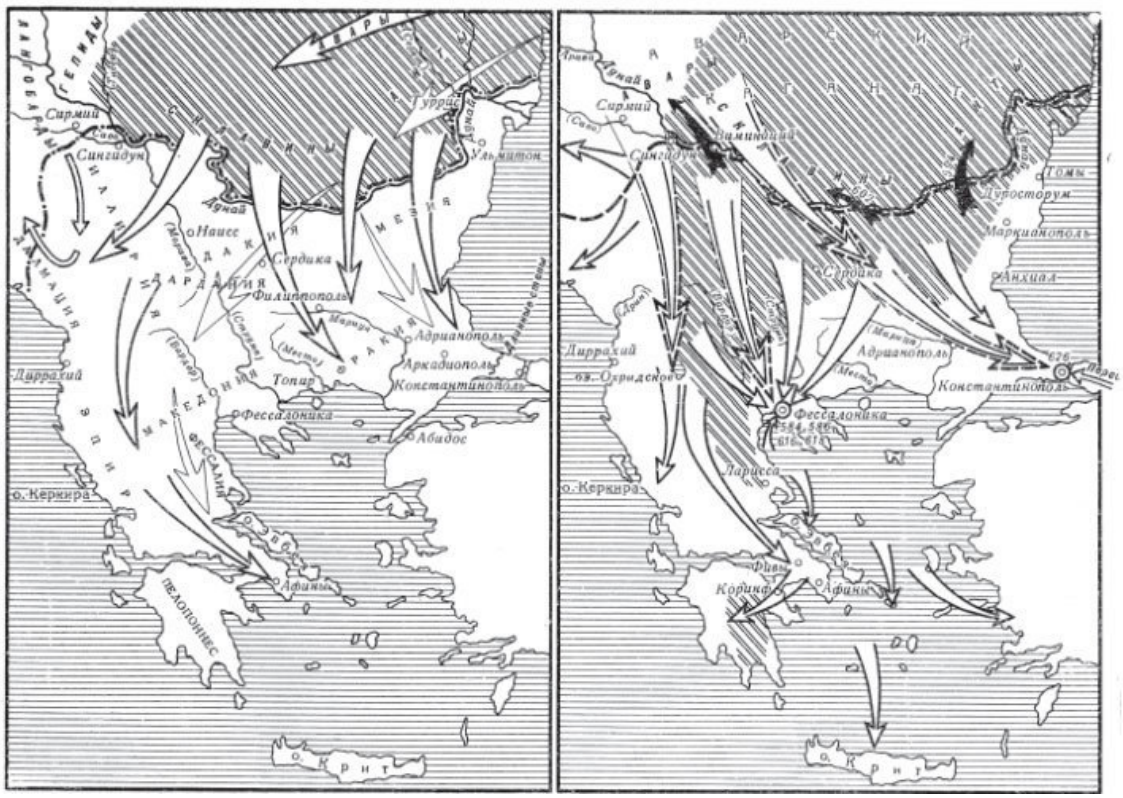
[44] Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., 1973. С. 54–56.

[45] Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 186, 225.

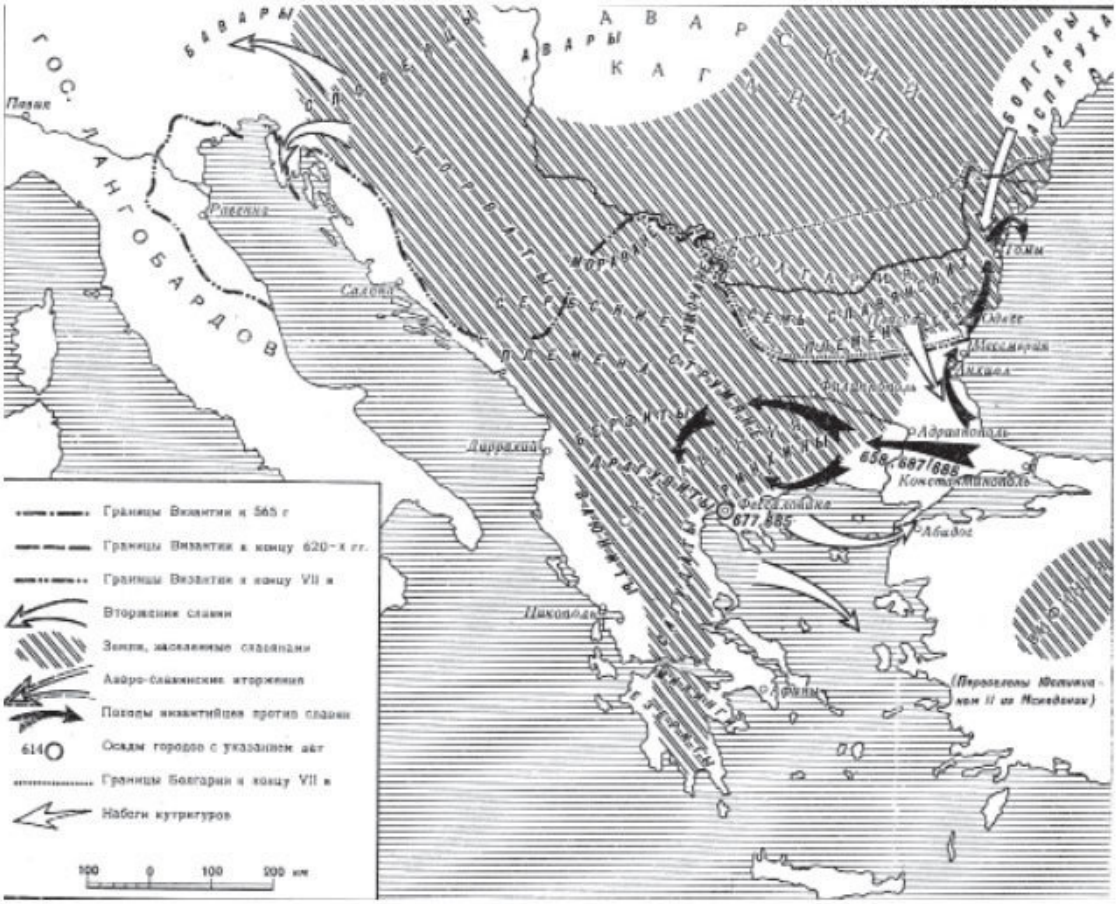
[46] Прокопий Кесарийский. История войн. Вступ. статья С. А. Иванова, пер. и коммент. С. А. Иванова, Л. А. Гиндина, В. Л. Цымбурского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I… С. 207, 249.

[47] Иванов С. А. Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в. – ВВ, 1984, т. 45.

Этих «гетов» многие исследователи склонны рассматривать как этнически смешанное объединение, куда входили склавины и анты.



Византия и славяне в первой половине VI – начале VII в.



Византия и славяне во второй половине VII в.

Следующее вторжение славян последовало где-то в промежутке между 518 и 527 г. Тогда «анты… перейдя реку Истр (Дунай), **огромным войском** («стратос» – греч.) вторглись в землю ромеев». Командующий войсками Фракии племянник императора Юстина Герман, «сойдясь с вражеским войском и пустив в ход все силы, одержал победу и перебил почти всех» (антов). Этим Герман как полководец стяжал себе великую славу и уважение среди варваров, но, как видно, победа стоила ромеям предельного напряжения «всех сил». С этого времени (527 г.), по словам Прокопия, совершались частые походы славян в глубь империи.

Правление Юстиниана Великого (527–565 гг.), с именем которого связан расцвет позднеантичной империи, и ее предельное расширение никак не повлияло на развитие отношений со славянским миром. В 530–531 гг. командующим войсками Фракии был назначен талантливый и верный императору полководец Хилвудий, ант по происхождению. За три года его пребывания в этой должности ни гунны, ни анты, ни склавины не могли перейти Истр, «но ромеи, часто вступая с Хилвудием на противоположный берег, убивали и порабощали тамошних варваров». В 535 г. Хилвудий вновь предпринял карательную экспедицию с небольшим войском против славян. Но на левобережье Дуная склавины встретили его **«всем народом»**. В жестокой битве ромейское войско было полностью разгромлено. Там же пал и его полководец. По словам Прокопия: «… с тех пор стала река всегда доступна для варваров». Вскоре после этого, видимо, в 537 г. «анты обрушились на область Фракии, многих ограбили и поработили из тамошних ромеев». Это самое раннее упоминание о захвате славянами пленников в империи.

Менее удачным оказалось вторжение склавинов на территорию империи в конце 545 г. Их **«огромное полчище»** перешло Дунай и разграбило земли Западной Мизии. Но вскоре путь склавинам преградило ромейское войско Иоанна Фагаса и их союзников гер-

манцев-герулов. В бою склавины были разбиты. Множество их погибло, а взятых в плен скоро отпустили восвояси. Но в конце 547 г. уже хорошо организованное конное **войско склавинов** (**«стратевма»**, по свидетельству Прокопия) перешло Дунай и прошло «по всему Иллирику вплоть до Эпидамна (Диррахия), убивая и порабощая… людей… и грабя имущество». Тогда же склавинами было взято множество крепостей. Военачальники Иллирика с пятнадцатитысячным войском следовали за варварами, но не осмеливались приблизиться к противнику. «Стратевма» склавинов в том набеге прошла в глубь империи более 200 км и в том же году вернулась обратно за Дунай. Весной 549 г. князь лангобардов Ильдигис с шеститысячным **войском** из склавинов и германцев выступил на помощь остготам Тотилы в Северной Италии. Его стратевма пришла в Венецию, а затем встретила войска ромеев под командованием Лазаря. В развернувшемся сражении ряды ромеев были опрокинуты, многие из них погибли. Но Ильдигис не соединился с остготами, а перешел Дунай и возвратился в земли склавинов.

События второй половина VI столетия еще ярче доказали, что славянскую экспансию на Балканах империя остановить не в силах. Весной 550 г. новое войско склавинов, численностью не более чем в три тысячи воинов форсировало Дунай без какого-либо сопротивления со стороны имперских войск. Склавинская дружина перешла реку Марицу и разделилась на два отряда. В одном насчитывалось 1800 воинов, в другом – 1200. Больший по численности отряд остался во Фракии, а другой двинулся в Иллирик. Имперские войска, посланные навстречу этим отрядам, были разгромлены славянами и «нашли спасение в беспорядочном бегстве». Тогда Юстиниан Великий послал против склавинов одного из лучших полководцев империи – кандидата Асвада с отборными и многочисленными отрядами конницы из фракийской крепости Цурул. Однако элитные императорские войска были опрокинуты славянской дружиной. Часть ромеев была перебита, часть вновь спаслась бегством. Асвад попал в плен и был сожжен на костре. Затем последовало разорение фракийской и иллирийской провинций и взятие многих крепостей. Крупнейшей из них стал фракийский город Топир (Ксанти), расположенный в 12 днях пути от Константинополя. Склавины выманили ромейский гарнизон из города, где и устроили ему засаду. Разгромив силы гарнизона вне стен, они повели приступ оборонительных сооружений. Население города попыталось отбить нападение. Горожане со стен лили на участников приступа кипящее масло и смолу из котлов, бросали камни и уже, казалось, отбили нападавших. Но славяне засыпали оборонявшихся тучей стрел и заставили их покинуть верхний ярус укреплений. С помощью осадных лестниц они ворвались на стены и взяли город. Затем последовало беспощадное избиение взрослого мужского населения, а женщины и дети были обращены в рабство. Этот поход склавинов сопровождался страшными зверствами и жестокостью по отношению к мирному населению империи. Славянские дружины беспрепятственно возвратились в свои земли за Дунаем, «гоня с собой бессчетные тысячи пленных».

Однако эти события стали только прологом необратимых грядущих перемен для империи. В середине лета 550 г. ромейская армия готовилась нанести решающий удар остготам в Северной Италии. Прославленный полководец Герман собирал и готовил войска в Сардике (Софие) для большого похода на запад. Неожиданно пришло сообщение, что в окрестностях Наисса (Ниша) огромное полчище склавинов перешло Дунай[48]. Разведка ромеев установила, что варвары намерены «захватить самое Фессалонику». Узнав об этом, император Юстиниан велел Герману отложить поход в Италию и встать на защиту Фессалоники и других городов. Прославленный полководец исполнил веление императора и перекрыл подступы к Северной Греции. Но и склавины, узнав о том, что им предстоит сразиться с многочисленным, хорошо организованным войском под руководством полководца, прославленного многими

[48] В отличие от **стратевмы**, **полчище** – многочисленные, плохо организованные пешие отряды. – *Прим. автора*.

победами и неоднократным разгромом славян (518–527 гг.), отказались от похода на Фессалонику. Не спускаясь на равнину, они совершили 450-километровый поход по горам через Иллирик и ушли в Далмацию на побережье Адриатики. Внезапная смерть Германа вновь изменила стратегическую ситуацию на Балканах. Новое войско склавинов перешло Дунай осенью 550 г. Славянские отряды, ранее ушедшие в Далмацию, соединились с этим войском. Возможно, что все это произошло не без происков Тотилы – вождя остготов. «Во всяком случае, – писал Прокопий, – эти варвары, разделившись на три части, сотворили ужасное зло по всей Европе, не в набегах грабя тамошние области, но зимуя, будто в собственной стране, и не боясь никакой опасности»[49]. Итак, зима 550–551 г. – первая, когда склавины не ушли после набега обратно за Дунай и тем положили начало открытой колонизации Балкан. К весне 551 г. император собрал против склавинов многочисленную армию, поставив во главе ее многих известных полководцев своего времени: Константина, Аратия, Назара, Юстина (сына Германа), Иоанна Фагаса. Общее руководство было возложено на преданного императору протоспафария (главнокомандующего) Схоластика. Основная часть славянских отрядов была встречена ромеями у Адрианополя (в пяти днях пути от столицы). Склавины, отягощенные обозом, заняли гору, ромеи, видимо взяв их в кольцо, расположились на равнине. Имперская армия первой предприняла атаку славян. Те отбили ее и перешли в контрнаступление. В жестокой схватке ромеи были разгромлены, многие погибли, полководцы с остатками войск отступили в разных направлениях. Даже знамя отряда Константина досталось варварам. Продвигаясь в глубь империи, славяне разграбили область Астику, ранее не разоряемую ими. Так они дошли до «длинных стен»[50], построенных перед столицей на расстоянии более одного дня пути. Но здесь одна из уцелевших частей ромейской армии, преследовавшая склавинов, внезапно настигла их и завязала бой. В ожесточенной схватке склавины были опрокинуты. Значительная часть их погибла в сражении, другие бежали к Дунаю, бросив огромный обоз. Масса ромеев была вызволена из плена. Однако отряды склавинов, разорявшие иные области Балкан, возвратились в свои земли с большим полоном. Эти события произошли ранней весной 551 г. Осень того же года была не менее трагичной для империи. Очередное **полчище** склавинов напало на Иллирик. Император послал против них полководцев Юстина и Юстиниана – сыновей покойного Германа. Фракийскими частями командовал Юстин, ранее дравшийся против славян и имевший опыт ведения войны с ними. Далматинские части возглавил Юстиниан. Однако и то и другое соединения значительно уступали противнику по численности. Ромейские полководцы не решались встретить славян в открытом сражении и придерживались тактики его преследования. Продвигаясь вслед за славянами, они смогли нанести им несколько поражений в арьергардных боях. Но зато склавины сильно разорили Иллирик и, уходя в свои земли, беспрепятственно переправились через Дунай при помощи германцев-гепидов. Трагические события середины VI в. показали политическому руководству империи, насколько стала сильна славянская угроза. Однако, втянутая в затяжную войну с остготами в Северной Италии, Империя Ромеев не могла сосредоточить все свои усилия на славянской проблеме. Экспансионистские планы императора Юстиниана Великого по воссозданию универсальной средиземноморской державы вели ее к внешнеполитическому кризису и упадку.

Между тем, военная экспансия славянства продолжала нарастать. По свидетельствам ромейских авторов: Иоанна Малалы[51], Иоанна Эфесского[52], Агафия Миренейского[53], Миха-

[49] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 197.

[50] «Длинные стены» (Долгие стены) – линия оборонительных укреплений, построенных на расстоянии 28–29 км от Константинополя в период правления императора Анастасия I (491–518 гг.).

[51] Иоанн Малала. Всемирная Хроника. Вступ. статья, пер. и коммент. Г. Г. Литаврина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М., 1991. С. 265–275.

[52] Иоанн Эфесский. Церковная история. Вступ. статья, пер. и коммент. Н. И. Серикова // Свод древнейших письменных

ила Сирийца[54] новое крупное нашествие славян и их союзников-гуннов (кутригуров) под предводительством хана Забергана было совершено на империю в марте-апреле 559 г. Гунны пришли из Северного Причерноморья, где перед этим нанесли поражение антам, чтобы обезопасить свои тылы. В январе они по льду перешли Дунай. С левобережья Дуная они призвали в союзники склавинов. Одна часть гуннов двинулась на разорение Греции. Другая часть – 7 тысяч конницы и отряды славян – двинулась во Фракию. На этот раз удар был направлен в самое сердце империи – на Константинополь. Стены Анастасия («длинные стены») были значительно повреждены землетрясением 557 г. и не восстановлены. Этим воспользовались варвары. У поселения Мелантиды (30 км от Константинополя) они смогли проломить «внешнюю стену», разграбить и сжечь все предместья столицы «вплоть до храма Святого Стратоника» (14 км от Золотых ворот Константинополя). В плен к ним попали ромейские полководцы Сергий и Эдерм. Затем варвары захватили и разорили Сики – пригород, лежавший на северном берегу Золотого Рога, на месте будущей Галаты. Тем временем другие отряды славян и гуннов пытались прорваться к Херсонесу Фракийскому на Галлиполийском полуострове, но видимо не смогли взять встретившихся на их пути укреплений. Варвары стали готовить средства переправы через пролив, чтобы достичь Малой Азии и захватить богатый город Авидос с его торговым флотом, складами товаров и таможенной казной. Однако ромеи смогли сосредоточить значительные силы в Константинополе, видимо, переправив их из Малой Азии. Одновременно готовился и военный флот, который должен был отправиться на Дунай и перекрыть варварам пути отступления. Во главе ромейских войск был поставлен прославленный полководец – победитель остготов Велисарий. Под давлением имперской армии варвары отступили за «длинные стены» и оставили другие области Фракии, но продолжали угрожать Константинополю с севера. Ромеи повели переговоры и стали восстанавливать внешние укрепления столицы. В то же время Юстиниан I повел переговоры о союзе с гуннским племенем утигуров (восточных гуннов), враждебных кутригурам. Ромейские дипломаты умело сыграли на противоречиях между варварами. Мир с Заберганом был заключен, и тот в августе оставил пределы империи. Но при возвращении из похода в конце лета на него и его союзников-склавинов на Дунае напали утигуры. Жестокие войны между западными и восточными гуннами продолжались до 561–562 гг., пока оба ослабевших племени не были подчинены аварами, пришедшими в степи Восточной Европы во главе с хаганом Баяном.

Нападение гуннов-утигуров и вторжение в Восточную Европу аваров явно ослабило славянский натиск на Балканские области империи. Но во второй половине 70-х гг. VI в., уже в новых исторических условиях, славянская экспансия на Балканы возобновилась. Так, епископ Иоанн Бикларский в своей «Хронике» (589–590 гг.) сообщал, что «в десятый год правления императора Юстина… (576 г.) славяне во Фракии проникают во многие города римлян, каковые, разорив, они оставили пустыми»[55]. По свидетельствам ромейского автора Менандра Протектора[56], служившего в императорской гвардии в годы правления базилевса Маврикия (582–602 гг.), видимо, на исходе 577 г. **народ славян** численностью до ста тысяч человек[57] вторгся во Фракию и разграбил ее и другие области. В составе отдельных сла-

известий о славянах Т. I. С. 276–291.

[53] Агафий Миренейский. История. Вступ. статья, пер. и коммент. И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 292–310.

[54] Там же. С. 291

[55] Иоанн Бикларский. Хроника. Вступ. статья, пер. и коммент. А. Б. Черняк // Свод древнейших письменных известий…С. 396.

[56] Менандр Протектор. История. Вступ. статья, пер. и коммент. И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 311–356.

[57] По мнению ряда исследователей, численность славян, принявших участие в походе на империю в 577 г., явно завы-

вянских отрядов были гунны, гепиды и авары. Эти разноплеменные воинские объединения совершили набег на Константинополь, но были отбиты от столицы. Перезимовав в империи, к лету 578 г. славяне достигли уже Эллады. Кесарь Тиверий, не имевший войск для отражения славянского вторжения обратился за помощью к аварскому хагану Баяну. Это, в свою очередь, вызвало поход аваров за Дунай в славянские земли. Скорее всего, в 578–579 гг. ромеям все же удалось отбросить грабившие Фракию и предместье столицы славянские отряды в Иллирик и Грецию.

Но в 581 г., вытесненные из Фракии, разорившие Иллирик и Элладу, отряды славян воспользовались тем, что Тиверий отправил свои последние войска под Сирмий и вновь приблизились к столице. На своем пути они сжигали лишенные гарнизонов крепости, выказывали особенную жестокость. Все эти передвижения и нападения совершались одними и теми же славянами, так как здесь не было и речи о новых вторжениях с левобережья Дуная. По свидетельству Иоанна Эфесского в 583–584 гг. славяне уже четыре года жили на территории империи[58]. Многие современные исследователи считают события 580–581 гг. началом славянского заселения Греции[59]. В 584 г. склавины совершили нападение на Фессалонику. И хотя это нападение окончилось неудачей, тот факт, что славянский отряд в 5 тысяч человек, состоявший из «опытных в военном деле» людей и включавший в себя «весь избранный цвет славянских племен», решился на такое предприятие, сам по себе весьма показателен. Славяне «не напали бы на такой город, если бы не чувствовали своего превосходства в силе и отваге над всеми теми, кто когда-либо с ними сражался», – прямо говорится в «Чудесах св. Димитрия Солунского» – замечательном агиографическом произведении той эпохи, посвященном описанию чудес, которые во время осады города славянами творил его небесный покровитель – св. Димитрий[60].

В 585 г. славянский отряд во главе с аварским предводителем захватил Коринф. Под 585–586 гг. Иоанн Эфесский отмечал, что славяне, возможно при поддержке аваров, захватили и удержали за собой два крупных города империи (Сингидун и Анхиал) и много крепостей ромеев. Причем сначала, славяне и авары прорвались сквозь «длинные стены» и пытались захватить Константинополь, что явилось ответом на вторжение антов, союзников империи, в землю склавов. «Конечно же, славяне услыхали, что захвачена область их, и зарычали, как лев на добычу», – писал Иоанн Эфесский. Однако от столицы империи варвары были отброшены. Тогда их войско обрушилось на город Анхиал, разгромило находившийся там гарнизон, проломило стену и ворвалось в город. При этом один из вождей варваров (видимо, аварский хаган), воздев на себя пурпурные одеяния, захваченные в городском храме, всенародно заявлял: «Желает этого царь ромеев или не желает, но вот, царство отдано мне!» После установления своей власти, при обращении к мирному населению империи, славяне оповещали: «Выходите, сейте и жните – только половину налога мы будем забирать у вас!»[61]. Все это свидетельствовало о том, что славяне не собирались возвращаться на свои прежние земли. В 587–588 гг. по свидетельству «Монемвасийской хроники» (IX в.) славяне завладели Фессалией, Эпиром, Аттикой, островом Эвбеей и водворились в Пелопоннесе.

Конечно же, славянская экспансия на Балканах продолжалась еще несколько десятилетий. Несомненно, что на первом ее этапе для славян, как варваров, значительным стимулом в войнах с империей являлись грабеж ее богатых городов и селений, угон скота и увод

шена. См. Свод древнейших известий о славянах. Т. I. С. 343.

[58] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 279.

[59] Там же. С. 356.

[60] Чудеса св. Димитрия Солунского. Вступ. статья, пер. и коммент. О. В. Ивановой // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 91—212; Иванова О. В. К вопросу о существовании у славян «дружины» в конце VI–VII вв. (по данным «Чудес св. Димитрия») // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.

[61] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 285.

пленников. Но в то же время славян, как земледельцев и скотоводов, притягивали благодатные земли империи, мягкий и теплый климат Средиземноморья. Эти непреходящие ценности со временем были осознаны славянским миром. Пик славянской экспансии на Балканах пришелся как раз на то время, когда, позднеантичная Ромейская империя явно стала клониться к упадку и оказалась не в состоянии противостоять славянской колонизации. С большой долей уверенности это время можно определить второй половиной 70-х – 80-ми гг. VI в. В период временной стабилизации внешнеполитического положения империи, пришедшейся на конец VI – первое десятилетие VII в., славянская экспансия явно пошла на спад. Однако попытки ромеев заранее предотвратить прорывы славян за Дунай оканчивались неудачно для империи. Так, император Маврикий (582–602 гг.) решил перенести войну со славянами на левый берег Дуная. Весной 594 г. он направил ромейскую армию под руководством полководца Приска за Дунай. В Нижней Мизии Приск напал на поселения славян, возглавляемых архонтом Ардагастом, и разорил их. Затем ромеи вторглись в земли славян, возглавляемых архонтом Мусокием. Они захватили архонта в плен и разграбили его страну. Однако Приск не смог зазимовать со своей армией на левом берегу Дуная, так как его солдаты, видевшие бесперспективность войны со славянами, взбунтовались и заставили полководца отвести армию за Дунай. На следующий год Маврикий назначил командующим экспедиционной армией своего брата Петра. Славянские вторжения продолжались на других участках границы, и император не успел предотвратить переправу армии. За Дунаем Петр столкнулся со славянским войском под руководством архонта Пирагаста. Славяне потерпели поражение. Но солдаты опять подняли мятеж, отказываясь зимовать на Левобережье Дуная. При возвращении ромейской армии в лагерь славяне напали на нее и обратили ее в бегство. Двинувшись к Константинополю, мятежная армия овладела столицей. Маврикия свергли, а императором провозгласили центуриона Фоку, наполовину варвара по происхождению. Все это свидетельствовало о невозможности изменить сложившуюся политическую ситуацию. Попытки империи осуществить активную борьбу против славян окончились бесславно. Ромейская армия, только что победоносно закончившая войну с Персией – сильнейшей державой того времени, оказалась бессильной закрыть дунайскую границу империи для славянских вторжений.

Славяне на военной службе в ромейской армии. Анты – союзники Империи Ромеев.

Обаяние греко-ромейской цивилизации не могло обойти стороной славянский мир. Одной из наиболее ранних форм приобщения славян к ромейской культуре, и установления контактов между славянским и греко-ромейским мирами, стала служба многочисленных выходцев из славян в ромейской армии. Пожалуй, первым известным событием такого рода, зафиксированным источниками, является пребывание неординарного ромейского полководца Хилвудия, по происхождению анта, на посту командующего войсками диоцеза Фракии («всей Фракии») в период с 530 (531) по 535 г. Прокопий Кесарийский в рассказе о Хилвудии неоднозначно подчеркнул близость полководца «к дому императора Юстиниана», что в принципе свидетельствовало о верности идеалам греко-ромейской цивилизации и было несомненно важно для варвара, перешедшего на службу к ромеям. По словам того же Прокопия: «Хилвудий… стал настолько страшен варварам, что в течение трех лет, пока он там пребывал в этой должности, не только никто не смог перейти Истр (Дунай) против ромеев, но и ромеи, часто вступая с Хилвудием на противоположный берег, убивали и порабощали тамошних варваров»[62]. В научной традиции Хилвудия уверенно считают славянином-антом, хотя в тексте Прокопия прямых указаний на этот счет нет[63].

[62] Там же. С. 181

[63] Литаврин Г. Г. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского. – ВВ. 1986. Т. 47. С. 25.

Для ведения успешных войн с варварами ромеям нужны были не только хорошо обученные имперская армия и федераты. Надежные и смелые наемники из варварской среды, хорошо знакомые с тактикой и приемами вооруженной борьбы, применяемыми варварами, были им также необходимы. В 536 году император Юстиниан Великий начал войну против мощного Остготского королевства в Италии. Войска возглавил прославленный ромейский полководец Велисарий, покровительством которого пользовался известный автор «Готской войны» Прокопий Кесарийский. Он присоединился к Велисарию на Сицилии в том же году. Война шла с переменным успехом. Будущий историк активно в ней участвовал. Вот тогда Прокопий и познакомился со славянами, служившими в ромейской армии. Велисарий, осажденный в Риме готами, просил о подкреплениях с Сицилии. Спустя двадцать дней, в апреле 537 г., к нему на помощь подошли стратеги Мартин и Валериан во главе 1600 конных воинов, среди которых «больше всего было гуннов, склавинов и антов». Велисарий был очень обрадован прибытию значительного в тех условиях подкрепления, так как сам располагал в Риме 5-тысячным войском. Затем последовало сражение и снятие осады Рима готами. Видимо, довольно часто славянам поручалось вести разведывательные действия на территории врага и брать «языка». Одно из таких событий красочно описал Прокопий в рассказе об осаде города Ауксима (Озимо) в Италии. Город, в котором в 539 г. укрепились готы, упорно сопротивлялся. Велисарию необходимы были сведения о настроениях среди осажденных и, видимо, о наиболее слабых местах в системе оборонительных сооружений. Вот тогда один из наиболее ловких и сильных склавинов, умевший хорошо маскироваться и неожиданно нападать на врага, превосходно исполнил поручение командующего и захватил «языка». Термин «захватить «языка» позднее встречался в сочинении «Стратегикон» (595–602 гг.) императора Маврикия и в военном разделе поучений Кекавмена[64]. Во всех переводах на славянские языки это место передавалось одинаково, т. е. как сообщение о захвате пленного, от которого можно получить необходимые сведения. Видимо, это выражение давно стало в империи устойчивой метафорой в воинском жаргоне, проникшей впоследствии (как калька с греческого) в славянские языки вместе с переводной литературой.

Еще одним характерным примером участия славян в боевых действиях в составе ромейской армии являются события начала 547 г., когда ромейский полководец Иоанн вел войну в Южной Италии против готов. Тогда Рим был захвачен готами Тотилы, которые вели наступление и на юге. Ромейский стратиг Туллиан обезопасил область Луканию, поставив для обороны узкого горного прохода 300 воинов-антов, придав им в помощь местных крестьян. Главным мотивом здесь было то, что «эти варвары искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях». Мало того, этот воинский контингент был специально выделен Иоанном по просьбе Туллиана. Узнав об этом, Тотила также усилил штурмовой отряд готов силами окрестных крестьян. В произошедшем столкновении «анты с присущей им доблестью (при том, что и неудобство местности им споспешествовало) вместе с крестьянами из отряда Туллиана опрокинули врагов; и произошло великое их избиение»[65].

Прокопий сообщал, что основу военного строя славян составляла пехота, но были у них и конные отряды, о чем известно из других источников: Феофилакта Симокатты, Иоанна Эфесского, Михаила Сирийца. Чаще всего славяне входили в состав ромейских воинских соединений на правах «симмахов» (союзников), т. е. контингенты из варваров подчинялись собственным военачальникам. Вероятно, контингент «симмахов» был и в войсках Хилвудия. Со временем славяне все теснее вовлекались в военную структуру империи и даже становились «стратиотами» (воинами регулярного строя).

---

[64] Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Текст, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972; Жебелев С. А. Маврикий Стратег. Известия о славянах VI–VII вв. // Исторический архив. М., 1939. Т. 2.

[65] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 187

Не менее интересные свидетельства о военной службе славян в ромейской армии в VI в. представлены в «Истории» Агафия Миренейского[66]. Этот автор начал свое сочинение в 552–553 г., т. е. непосредственно продолжал Прокопия Кесарийского. Изложение событий здесь прерывается 559 г. – нашествием Забергана. Сведения Агафия о славянах и антах представляют собой интерес в первую очередь для славянской ономастики; кроме того, для VI в. – это второй и последний источник о службе славян и антов в ромейской армии. Автор рассказывал о событиях войны Ромейской империи и Сасанидского Ирана за Лазику (Западную Грузию) в 555–556 гг., о военных операциях имперской армии в Италии. Он нигде не говорил о личном участии в этих военных действиях. Но, очевидно, он черпал все эти сведения из документов канцелярий действующих армий, пользовался мемуарами, так как прямо засвидетельствовал использование «Новелл» Юстиниана.

На страницах «Истории» изложен рассказ о наступлении трехтысячного конного войска персов в Закавказье. Против них был послан отряд из шестисот всадников под руководством Дабрагеза и Усигарда. Из дальнейшего изложения ясно, что Дабрагез (Доброгост) по происхождению ант. Некоторые исследователи считают антом или славянином и Усигарда (Всегорда), что нашло свое отражение и в работах известного слависта П. Шафарика[67]. Охранение и разведка в персидском войске в тот момент отсутствовали, видимо, персы не ожидали встретить противника так близко. Этим и воспользовались ромейские военачальники Дабрагез (Доброгост) и Усигард (Всегорд), совершившие ускоренный бросок в сторону противника. Все это свидетельствовало о хорошо налаженной разведке в отряде, которым командовали славяне. У дороги ими была устроена засада. Когда противник приблизился, тогда «разом напали воины Дабрагеза и Усигарда и, поразив их (персов) внезапностью, тотчас обратили в бегство».

Затем имя Дабрагеза встречается в рассказе об охране ромейской флотилией реки Фасис (Риони). Здесь Дабрагез назван таксиархом (командиром среднего ранга), под началом которого находились десять кораблей с сотнями ромейских воинов. Под его же началом состоял и гунн, лохаг (лоха – подразделение ромейской армии числом до 200 воинов) по имени Элмингир. Отряд Дабрагеза бдительно охранял реку и смог вернуть в состав флотилии еще один корабль, ранее захваченный персами.

Интересен яркий и живой рассказ Агафия о том, как сто отважных ромейских воинов были посланы ночью с задачей пробраться в скальное укрепление мисимиян – союзников персов. Вел штурмовую группу воин Илл, ранее разведавший подходы к укреплениям противника. За ним следовал дорифор (член личной дружины высшего офицера, состоявшей из отборных солдат) по имени Зипер. За дориформ – сын Дабрагеза Леонтий, «вслед ему – Феодор таксиарх». Заметим, что имя Леонтия упоминается среди элитных командиров штурмовой группы. В завязавшемся сражении Леонтий принимал активное участие, но поскользнулся, упал и покатился вниз со скалы. Он видимо, остался жив, так как упал на щит и разбил его. Во время сражения мисимияне пытались наступать под прикрытием «черепахи». «…И прежде, чем они стали приближаться и прятаться (под прикрытием «черепахи», составленной из щитов), – писал Агафий, – некто именем Сваруна, славянин, бросает копье в более уязвимого «из намеревавшихся спрятаться под «черепаху» и поражает его насмерть». В завязавшемся рукопашном бою противник ромеев был разгромлен, а укрепление захвачено.

Рядом исследователей были сделаны выводы о том, что, поскольку имя Леонтий греческого происхождения, то Доброгост уже давно адаптировался в ромейской среде и был женат на гречанке. Скорее всего, и отец, и сын были христианами. Судя по всему, в описываемое время Леонтию было не менее 18–20 лет. Т. о., Доброгост поступил на службу в то время,

[66] Там же. С. 292–310.

[67] Шафарик П. Славянские древности. Т. II, ч. 1. М., 1837–1848. С. 36, 256, 382.

когда появились первые свидетельства об антах в имперской армии (Прокопий). В совокупности сведения о Доброгосте подтверждают то, что он был командиром отряда федератов и стратиотов, а не предводителем антских симмахов, т. е. союзников-варваров, нанимаемых на временную службу из числа соседей империи. Имя Сваруна по традиционной этимологии происходит от славянского слова «свар» – битва, или драчун, крикун. Существует и славянский теоним – «Сварог»[68].

Оценивая в целом значение славянских воинских контингентов и военных специалистов в армии Ромейской империи VI в., можно говорить об их высоком профессионализме; боевой выучке, смелости, находчивости и надежности. Необходимо отметить, что большую часть славянских наемных контингентов и военных специалистов на командных постах составляли выходцы из восточнославянской среды – **из антов** (если термин восточнославянская среда применим к той эпохе). Важно подчеркнуть, что славянские воинские контингенты и военные специалисты находились на острие важнейших боевых операций, проводимых ромейской армией той эпохи. В ходе боевых действий этим подразделениям и специалистам, говоря современным языком, доверялись наиболее опасные и важные диверсионно-разведывательные и десантно-штурмовые операции. Зачастую, наряду со славянами в составе ударных варварских подразделений упоминаются гунны. Однако гунны всегда были сильны своей конницей и стрельбой из лука. Славянские контингенты командование ромейской армии ценило за их универсальность, умение воевать в пешем строю и в соединениях конницы, успешно действовать на открытой равнине и в лесах, в засадах и оборонительных укреплениях, в горах и на флоте[69].

В VI в. источниками зафиксировано пятнадцать наиболее крупных вторжений славян на территорию империи. В массе своей они были совершены западнославянским племенным союзом – склавинами (самостоятельно или в союзе с другими варварами). Лишь только два вторжения (518–527; 537 гг.) были совершены антами, которых большинство исследователей, на основании свидетельств древних авторов, считают восточнославянским племенным союзом. Описывая их расселение, Прокопий указывает, что севернее берегов Понта Эвксинского, Меотиды и низовьев реки Танаиса живут гунны-утигуры, «а за ними еще выше к северу, сидят **бессчетные племена антов**». «Иордан и Прокопий видели различие между склавинами и антами лишь в том, что они принадлежали к разным военно-политическим объединениям, т. е. это отличие было не собственно этническим, а этносоциальным и обусловливалось подданством двум нередко враждующим племенным союзам» – так сформулирован тезис о взаимоотношениях внутри славянского мира Восточной Европы VI столетия в издании, посвященном развитию этнического самосознания славянских народов[70]. И действительно, под 540 г. (у Прокопия Кесарийского) и 585–587 гг. (у Иоанна Эфесского) зафиксированы сообщения о войнах антов со склавинами. Причем второй раз война эта началась по инициативе ромейских дипломатов, когда анты выступили как союзники империи против склавинов, разоряющих Фракию и Грецию. Кроме того, по сообщениям источников, анты являлись союзниками ромеев в войнах с готами и в 545, 547, 550 гг. Преимущественно анты выступают в источниках как наемники, порой занимают командные посты в ромейской армии даже в войнах со склавинами (Хилвудий). Но в отличие от Прокопия, который говорил об антах как о союзниках империи, император Маврикий рассматривал и склавов и антов в равной мере как врагов империи. Видимо, широко распространенное в научной литературе мнение, что анты с 545 г. вплоть до 602 г. оставались неизменно союзниками империи, нуждается в некоторой корректировке. Возможно, что союз антов с империей не был непре-

[68] Свод древнейших письменных известий о славянах Т. I. С. 308–309.

[69] Там же С. 233.

[70] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 25.

рывным. Но с этого времени в источниках нет никаких свидетельств о нападениях антов на империю. Также в существовании такого союза на рубеже VI–VII вв. трудно сомневаться. По сообщению автора середины VII в. Феофилакта Симокатты[71] авары совершили в 602 г. поход против антов именно потому, что анты были союзниками ромеев.

Ромейские авторы середины VI – начала VII в. о социально-экономическом строе и военной организации славян

С середины VI века ромейские авторы начинают уделять более пристальное внимание описанию внешности, быта, экономическим и социальным условиям жизни славянства. В отличие от Иордана, Прокопий уже в 545 г. подчеркивал, что склавины и анты живут в условиях родоплеменного строя и военной демократии. Он же, подробно описывая их быт, внешний вид, вооружение, говорил об этническом родстве тех и других: «А живут они в жалких хижинах («калибах», «халупах»), располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя, насколько можно часто, место поселения. Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют ни хитона, ни плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами. Есть и у тех и у других и **единый язык**, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые»[72]. Сообщения Прокопия Кесарийского о жилищах славян подтверждаются археологическими изысканиями в Левобережном Подунавье. Эти жилища представляли собой полуземлянки с двускатными крышами. Существуют предположения о том, что славянские слова «калиба», «халупа» и т. п. восходят к греческому слову «калибн», означающему военную палатку[73].

Сообщения Прокопия о вторжениях славян под 547, 549, 550 гг. также сильно меняет представление об их военной и социальной организации. Если ранее Прокопий говорил о вторжениях «огромного войска», «всего народа», «полчища» («омилос» – плохо организованного военного соединения) славян, то в указанные годы он подчеркивал их превосходную военную организацию. Так, под 547 г. он свидетельствовал о вторжении небольшого, хорошо организованного конного войска, названного им «стратевмой». Этим словом ромеи обозначали только элитные кавалерийские соединения. Следовательно, в данном случае можно говорить не только о хорошей организации, вооружении, но также о профессиональной военной подготовке воинов и военной элите у славян. В 549 г. славяне выступили против империи под руководством лангобардского князя Ильдигиса и составляли большую часть его шеститысячного, в основном конного, войска. Весной 550 г. конное войско славян, опять названное Прокопием «стратевмой», достигало по численности трех тысяч воинов. В ходе вторжения оно разделилось на два отряда, которые громили более крупные, элитные соединения кавалерии ромеев и брали приступом города. С полным основанием можно утверждать, что в это время у славян началось выделение военной знати и формирование военно-дружинного сословия[74].

---

[71] Феофилакт Симокатта. История. Вступ. статья Н. В. Пигулевской, пер. С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой. М., 1957; Феофилакт Симокатта. История. Вступ. статья, пер. и коммент. С. А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II… С. 10–64.

[72] Свод древнейших письменных известий о славянах Т. I. С.185.

[73] Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 114–115, 128; Гиндин Л. А. Проблема славянизации Карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского. – ВДИ. 1988, № 3. С. 180.

[74] Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 26–27.

Во второй половине VI в. у ромейских авторов начинают появляться данные, свидетельствующие о роли и значении вождей у славянства. Так, под 560 и 578 гг. Менандр Протектор сообщал о наличие у славян-антов правителей-архонтов: Идаризия, его сыновей Мезамера и Келагаста; у склавинов: Даврентия-Даврита (Добреты) и «бывших с ним вождей», которые вели переговоры с ромеями или аварами, объявляли войну или заключали мир. По мнению исследователей Ивановой и Литаврина, «конечно, все анты не составляли единого племени во главе с несколькими равноправными архонтами… среди архонтов существовала иерархия»[75]. Скорее всего, существовал союз нескольких антских вождей (архонтов). В ходе переговоров с аварскими послами, когда те стали угрожать склавинам, Даврит и его окружение отвечали: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой (землей), а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и **мечи**»[76]. В конце VI в. славянские вожди Ардагаст, Мусокий и Пирагаст возглавляли военные силы своих племен в борьбе за независимость против экспедиционной армии ромеев.

Иоанн Эфесский под 584 г. сообщал, что славяне за время набегов на империю «обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, (они), люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями (мест) и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья»[77]. Конечно, Иоанн совершенно прав, когда речь идет о богатствах, собранных славянами в виде военной добычи – о золоте и серебре. Но ведь развитие коневодства и кузнечного дела, специализирующегося на изготовлении оружия, у славян могли стимулировать частые войны, которые славяне вели с империей и иными соседями в VI в. Причем другие письменные источники и археологические данные подтверждают последнее.

Но наиболее ярким произведением, отразившим все стороны жизни славянского мира той эпохи, является «Стратегикон». Уже более трех столетий назад было доказано и позднее неоднократно подтверждено, что автором этого произведения является сам император Маврикий (582–602 гг.). «Стратегикон» написан, скорее всего, в период между 595 и 602 гг. Маврикий явно использовал более ранние письменные источники для своей работы, что подтверждается наличием анонимного военного трактата «О военном искусстве», написанном в 70-е гг. VI в. Однако военные обычаи склавинов и антов могли стать известны автору в результате обобщения современной для Маврикия боевой практики. Вполне допустимо и личное участие Маврикия в экспедициях в славянские земли. Отношение Маврикия к склавинам и антам как к военному сопернику самое серьезное. Отдав дань книжной традиции в описании их быта, он совершенно меняет тон, когда переходит к военным рекомендациям, выступая как искушенный специалист, обладающий и военно-теоретическими познаниями и боевым опытом. Все это свидетельствует о том, что новые оперативные и тактические рекомендации разрабатывались применительно к противнику, который расценивался всерьез.

---

[75] Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия: Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 49.

[76] Свод древнейших письменных известий о славянах Т. I. С. 321.

[77] Там же. С. 279.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.